

В морском царстве,
в сказочном
государстве прокляты
двенадцать сестер...

ДОМ СОЛ И ПЕЧАЛИ

Эрин А. Крейг

Trendbooks magic

Эрин Крейг

Дом соли и печали

«Издательство CLEVER»

2019

УДК 82-311.3
ББК 84(7Coe)

Крейг Э. А.

Дом соли и печали / Э. А. Крейг — «Издательство CLEVER»,
2019 — (Trendbooks magic)

ISBN 978-5-00154-229-2

Когда-то у герцога Солёных островов было двенадцать дочерей. А теперь осталось восемь. Поговаривают, что семейство Фавмант проклято и тьма забирает дочерей герцога по очереди. Аннали, вторая дочь герцога, знает, что находится в опасности. Встревоженная призрачными видениями, она подозревает, что смерти ее сестер не были случайны. Каждую ночь девушки ускользали на роскошный заколдованный бал. В драгоценных туфельках и одеждах из шелка они кружились в смертельном танце до восхода солнца. Как и ее сестры, Аннали готова поддаться искушению и последовать на праздник с пленительным человеком-драконом. Встречи с ним таят загадку и опасность. Сможет ли дочь Соли устоять перед чарами тьмы?

УДК 82-311.3

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-00154-229-2

© Крейг Э. А., 2019
© Издательство CLEVER, 2019

Содержание

1	6
2	8
3	13
4	18
5	25
6	33
7	39
8	43
9	46
10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Эрин Крейг

Дом соли и печали

*С огромной любовью посвящаю эту книгу моим бабушке и дедушке
– Фиби и Уолтеру, которые всегда говорили, что я стану писательницей.
я так рада, что они оказались правы!*

Erin A. Craig
House of Salt and Sorrows Copyright

Перевод с английского *Екатерины Токовининой*

Оригинальное название: House of Salt and Sorrows Copyright © 2019 by Erin A. Craig
Cover art Copyright © 2019 by Vault49 This edition is published by arrangement with Sterling Lord
Literistic and The Van Lear Agency LLC ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2020

1

Пламя свечи отражалось в серебряном якоре на ожерелье моей сестры. Уродливое украшение – Эулалия никогда бы не выбрала такое. Ей нравились простые золотые цепочки и причудливые бриллиантовые кольца. Точно не это. Видимо, выбирал папа. Я растерянно перебирала свои бусы из черного жемчуга: может, стоит все-таки надеть на нее что-то более элегантное? Но я едва успела потянуться к застежке, как сестру окружили носильщики и захлопнули крышку гроба.

– Мы, Люди Соли, предаем это тело морю, – объявил Верховный Мореход, и деревянный ящик соскользнул в глубокую крипту¹.

Края темной бездны, поглотившей Эулалию навсегда, поросли лишайником; я старалась не смотреть туда и не думать о сестре, которая еще несколько дней назад жила, дышала и излучала тепло, а теперь обрела вечный покой. Я отгоняла от себя мысли о том, как тонкое дно гроба будет набухать от воды и соли, пока не провалится, и тело Эулалии не затеряется в морских глубинах под нашей семейной усыпальницей.

Я попыталась заплакать. Я знала, что от меня ждут слез, но вместе с тем понимала, что сейчас их не будет. Они придут позже, может быть сегодня вечером, Эулалия. Самая красивая из моих сестер. Она любила посмеяться: ее алые губы всегда улыбались, а ярко-зеленые глаза были готовы лукаво подмигнуть. Вокруг нее постоянно вились многочисленные поклонники – еще до того, как она стала старшей дочерью в семье Фавмантов² и наследницей всего папиного состояния.

– Мы рождены от Соли, мы живем Солью, и мы возвращаемся в Соль, – продолжал Верховный Мореход.

– Во имя Соли! – вторили ему собравшиеся.

Папа сделал несколько шагов и положил два золотых слитка у подножия крипты – плата Понту³, чтобы путь моей сестры в море был легким. Я осмелилась поглядеть по сторонам: в усыпальнице собрались многочисленные гости, облаченные в свои лучшие одежды из черной шерсти и крепа; многие из них когда-то мечтали завоевать сердце Эулалии. Наверное, ей было бы приятно узнать, что столько молодых людей сокрушается и открыто оплакивает ее смерть.

– Аннали, – прошептала Камилла, легонько толкнув меня локтем.

– Во имя Соли, – пробормотала я и промокнула платком выступившие слезы.

Мое сердце сжалось от папиного неодобрительного взгляда. Глаза отца наполнились слезами, а гордо вздернутый нос покраснел, когда Верховный Мореход выступил вперед с чашей из раковины абалона⁴, наполненной морской водой. Он опустошил сосуд, оросив водой гроб Эулалии: эта часть церемонии символизировала начало разложения. Затем Верховный Мореход погасил свечи, расположенные по краям каменного колодца, и служба завершилась.

Папа обернулся к собравшимся гостям, в его темных волосах ярко выделялась широкая белая прядь. Разве она была вчера?

– Спасибо, что пришли помянуть мою дочь Эулалию. – Отец привык смело и открыто обращаться к придворным лордам, но сейчас его зычный голос неуверенно дрогнул. – От имени нашей семьи я приглашаю вас в Хаймур, чтобы вместе вспомнить, какой она была при

¹ Крипта – подземное помещение, часть храма, служащая для погребения. (Примеч. ред.) когда я буду проходить мимо ее спальни и увижу черную ткань, закрывающую зеркала во всю стену. Эулалия очень любила свои зеркала.

² Фавмант (также Тавмант, др.-греч. Φαύμανς) – в древнегреческой мифологии бог морских чудес. (Здесь и далее – примечания переводчика, если не указано иное.)

³ Понт (др.-греч. Πόντος) – в древнегреческой мифологии бог внутреннего моря.

⁴ Абалон – род моллюсков. (Примеч. ред.)

жизни. Будет еда, напитки и... – Отец откашлялся. Сейчас он скорее напоминал заикающегося клерка, нежели девятнадцатого герцога Солёных островов. – Думаю, Эулалия бы очень обрадовалась, если бы вы пришли.

Коротко кивнув, отец завершил свою речь. Он был бледен как полотно. Мне очень хотелось хоть немного утешить папу, но Морелла – моя мачеха – уже стояла рядом и держала его под руку. Они поженились всего несколько месяцев назад и все еще могли бы наслаждаться жаркими благословенными днями совместной жизни.

Сегодня Морелла впервые оказалась в семейном мавзолее Фавмантов. Интересно, как она чувствовала себя под пристальным взглядом мемориальной статуи моей матери? Скульптор использовал в качестве образца свадебный портрет мамы, передав холодному серому мрамору сияние юности. Хотя море приняло ее тело много лет назад, я по-прежнему приходила в мамину усыпальницу каждую неделю и рассказывала о своих переживаниях, словно она могла меня услышать.

Статуя мамы была самой высокой в мавзолее и возвышалась над гробницами моих сестер. Надгробие Авы обвивали ее любимые цветы – розы. За летние месяцы яркие розовые цветки стали пухлыми, как чумовые пустулы, унесшие ее жизнь, когда ей было всего лишь восемнадцать.

Через год умерла Октавия. Ее тело было обнаружено у подножия высокой библиотечной лестницы с неестественно изогнутыми руками и ногами. Ее усыпальницу украшала открытая книга с цитатой на вайпанском языке, читать на котором я так и не научилась.

После того как на нашу семью обрушилось столько горя, смерть Элизабет казалась неизбежной. Ее нашли в ванне, всплывшей на поверхность, как коряга в открытом море, разбухшей от воды и абсолютно белой. Слухи из Хаймура быстро дошли до поселений на соседних островах – от кухарок к конюхам, от торговцев рыбой к их женам, которые в свою очередь стали запугивать непослушных детей. Некоторые говорили о самоубийстве. Другие – а их было гораздо больше – решили, что мы прокляты.

В качестве статуи для Элизабет выбрали птицу. Предполагалось, что это будет голубь, но из-за неверных пропорций она скорее напоминала чайку. Что ж, вполне подходящий символ для Элизабет: она всегда мечтала улететь. А что же будет у Эулалии?

Когда-то нас было двенадцать: Фавмантова дюжина. А теперь осталось всего восемь, и я не могла избавиться от мысли, что зловещие слухи вокруг нашей семьи на самом деле правда. Может, мы прогневали богов? Может, тьма пришла в нашу семью и забирает нас по одному? Или это просто цепь ужасных и несчастливых случайностей?

После службы толпа разделилась, и гости начали собираться вокруг нас, выражая сдержанные соболезнования. И тут я заметила, что многие из них стараются не подходить слишком близко. Почтительное отношение к чужому горю или страх «заразиться»? Я уже хотела списать это на глупые предрассудки, но затем ко мне подошла одна из дальних тетушек, едва заметно улыбаясь своими тонкими губами, и я увидела в ее глазах тот же вопрос, который не давал мне покоя: кто следующий?

2

Все отправились на поминки, а я решила ненадолго задержаться в мавзолее: хотелось попрощаться с Эулалией наедине, без посторонних глаз. Тем временем Верховный Мореход забрал нашу, свечи и соленую воду, необходимые для погребального обряда, а также две монеты, оставленные моим отцом. Но прежде чем ступить на тонкую тропинку, ведущую к берегу, и удалиться в свою одинокую обитель в самой северной точке острова Селкирк, жрец остановился передо мной. Слуги запечатали гробницу, сложили над криптой кирпичи, густо промазанные цементом, и бурлящие воды скрылись из виду.

Верховный Мореход поднял руку – как мне показалось, для благословения. Однако в его жесте было что-то отторгающее, будто он пытался защитить... себя от меня.

Когда крипта опустела, воздух стал значительно прохладнее и окутал меня, словно мантия. Тошнотворно-сладкий аромат благовоний все еще витал в усыпальнице, но не мог перебить острого запаха соли. Здесь, на острове, вкус моря ощущался везде. Каменщики тяжело выдохнули, водрузив на место последний кирпич, и шум волн под криптой совсем утих. Теперь я осталась совсем одна.

На самом деле наша крипта была самой обычной пещерой, если не считать одной особенностью: под ней протекала широкая пресноводная река, которая уносила тела почивших Фавмантов в море. Каждое поколение приносило что-то свое в устройство фамильной усыпальницы: сначала место для погребального обряда украсили резьбой по камню, затем расписали потолок, изобразив золоченые звезды на ночном небе. Каждый ребенок в семье Фавмантов начинал разбираться в созвездиях еще до того, как впервые брал в руки букварь. При моем прапрадедушке в крипте стали возводить каменные гробницы. На похоронах Элизабет (а это было еще более мрачное действо, чем в случае Эулалии, ведь Верховный Мореход недвусмысленно намекал на самоубийство) я считала таблички и статуи в пещере, чтобы скоротать время. Как скоро гробницы полностью заполнят это священное место и не оставят места живым? Когда я умру, мне не нужен никакой памятник. Неужели вечный сон двоюродной бабушки Кларетты стал более приятным оттого, что ее каменным бюстом любят все последующие поколения Фавмантов? Нет уж, спасибо. Просто столкните меня в море и верните обратно в Соль.

– Сегодня здесь было много молодых людей, – сказала я, присев рядом со свежей кирпичной кладкой.

По правде говоря, я не знала, зачем они снова замуровали это место. Как скоро снова придется ломать каменный пол, чтобы отправить в последний путь одну из моих сестер?

– Себастьян и Стефан, братья Фитцджеральд, Генри, старшина из Васы. Еще Эдгар.

Было очень непривычно вести с Эулалией такой односторонний разговор. Обычно она затмевала всех в любой беседе. Ее причудливые и невероятно остроумные истории всегда вызывали восхищение слушателей.

– Думаю, они плакали больше всех. Может, ты хотела увидеться с кем-то из них той роковой ночью?

На мгновение я замолчала и представила, как Эуалия идет по скалистой дорожке в свободной ночной рубашке, украшенной кружевом и лентами: белая, словно лепестки лилии, кожа отливает синевой в свете полной луны. Без сомнений, она постаралась бы выглядеть особенно мило, если бы собиралась на тайное свидание с возлюбленным.

Когда рыбаки нашли ее искалеченное тело на прибрежных скалах, они ошибочно приняли его за выбросившегося на берег дельфина. Если жизнь после смерти действительно существует, надеюсь, Эуалия никогда об этом не узнает. Она не пережила бы такого позора.

– Ты оступилась и упала? – Мои слова эхом отозвались в пустынной крипте. – Или тебя столкнули?

Вопрос сорвался с моих губ прежде, чем я успела подумать. Мы совершенно точно знали, как погибли остальные сестры: Аву унесла болезнь, с Октавией вечно что-то случалось, даже Элизабет... Судорожно вздохнув, я сжала складку юбки из толстой колючей черной шерсти. Она так тяжело переживала смерть Октавии! Мы все скорбели об утратах, но больше всех страдала Элизабет. С Эулалией в момент смерти никого не было. Никто не видел, как она погибла. Видели лишь ужасный исход.

Что-то капнуло мне на нос, потом на щеку, а в следующее мгновение в крипту начали стекаться ручейки. Видимо, пошел дождь. Даже небо сегодня оплакивало Эулалию.

– Я буду скучать.

Я закусила губу. Вот теперь слезы пришли сами. Я почувствовала жжение в глазах и разрыдалась. Я провела пальцами по букве «Э», изящно выгравированной на камне: хотелось так много сказать, выплакать свое горе, свою беспомощность, свою злость. Но ничто уже не поможет вернуть мою сестру.

– Я... я люблю тебя, Эулалия, – прошептала я и покинула темную пещеру.

Снаружи уже бушевал шторм, взбивая волны в белую пену. Семейная крипта находилась на дальней оконечности Иглы – мыса на острове Сольтен, вдававшегося в море. До дома было не меньше мили, и никто не позаботился о том, чтобы оставить для меня экипаж. Я откинула черную вуаль и пошла пешком.

* * *

– Ты ничего не забыла? – спросила Ханна, наша горничная, прежде чем я присоединилась к гостям.

Я остановилась, почувствовав на себе материнский взгляд пожилой женщины. Мне пришлось сразу переодеться по возвращении домой: я промокла до нитки, но совершенно не собиралась умереть от простуды – будь мы прокляты или нет.

Ханна держала в руках длинную черную ленту и выжидательно смотрела на меня. Тяжело вздохнув, я позволила повязать ее на запястье, как и в предыдущие разы. Когда в дом приходила смерть, нужно было носить черную ленту, чтобы не последовать за близким человеком. В нашей семье несчастья происходили настолько часто, что сердобольные слуги стали повязывать ленты даже кошкам, лошадям и цыплятам.

Ханна сделала мне красивый бант, прекрасно смотревшийся бы в любом другом цвете. Весь мой нынешний гардероб состоял из траурной одежды, каждое платье было темнее предыдущего. С тех пор как шесть лет назад умерла мама, я не носила никаких цветов светлее угольно-серого.

На этот раз Ханна выбрала атласную ленту, а не колючую бумазею, как на похоронах Элизабет. Тогда на наших запястьях остались красные следы, которые беспокоили еще несколько дней.

– Я бы предпочла остаться здесь с тобой, если честно, – заметила я, поправив манжету. – Никогда не знаю, что говорить в таких случаях.

Ханна потрепала меня по щеке:

– Чем быстрее ты пойдешь туда, тем быстрее все закончится.

Она улыбнулась, и взгляд ее карих глаз потеплел.

– Я позабочусь о том, чтобы перед сном тебя ждал чайничек коричневого чая.

– Спасибо, Ханна. – Я обняла горничную и вышла из комнаты.

Когда я вошла в Синюю гостиную, ко мне тут же подскочила Морелла.

– Сядь со мной. Я никого здесь не знаю, – призналась она и повела меня к дивану, стоящему у высокого окна с толстой рамой.

Хотя стекла были усыпаны капельками дождя, из окна открывался прекрасный вид на скалы. Станный выбор места для проведения поминок: отсюда можно было увидеть то самое место, где разбилась Эулалия.

Я хотела присоединиться к сестрам, но огромные глаза Мореллы выражали отчаянную мольбу, и я не смогла отказать. В такие моменты особенно чувствовалось, что она гораздо ближе по возрасту к нам, чем к папе.

Никого не удивило, когда он снова решил жениться. Мама умерла много лет назад, но мы все знали, что он очень хотел хотя бы одного сына. Отец познакомился с Мореллой в Сусилли, когда был на большой земле. Он вернулся из поездки под руку с невестой, совершенно очарованный и влюбленный.

Онор, Мёрси и Верити⁵, которых мы называли тремя грациями, были совсем малютками, когда мамы не стало, поэтому они с восторгом восприняли появление в нашей семье новой матери. Морелла раньше работала гувернанткой, поэтому с готовностью занялась воспитанием девочек. Мы с тройняшками – Розалией, Лигейей и Ленор – были рады за папу, а вот Камиллу передергивало каждый раз, когда кто-то принимал Мореллу за одну из двенадцати сестер Фавмант.

Мой взгляд упал на большую картину, почти полностью занимавшую одну из стен. Там был изображен разъяренный кракен⁶, увлекающий в темную бездну корабль. В Синей гостиной хранилось много морских сокровищ: на полке – семейство морских ежей, в углу на подставке – обросший ракушками якорь, а на всех остальных поверхностях, до которых можно было дотянуться, грации разложили свою коллекцию морских раковин.

– Эти службы всегда так проходят? – поинтересовалась Морелла, устраиваясь поудобнее на темно-синих бархатных подушках и расправляя свои юбки. – Такие серьезные и мрачные!

Я ошеломленно уставилась на нее:

– Вообще-то это были похороны.

Морелла убрала за ухо светлую прядь волос и нервно улыбнулась.

– Да-да, конечно, я имела в виду... почему обязательно в море? Не понимаю, почему нельзя было просто похоронить ее, как принято на большой земле?

Я взглянула на папу. Он просил меня быть милой и объяснять ей наши обычаи. Я попыталась найти в себе хоть каплю сочувствия к мачехе.

– Верховный Мореход говорит, что наши острова и людей, живущих здесь, создал морской бог Понт. Он собрал соль океанских волн и смешал ее с хитроумием серой бычьей акулы и красотой лунной медузы. Затем добавил преданность морского конька и любопытство морской свинки. Когда у него получилась фигура с двумя руками, двумя ногами, головой и сердцем, Понт вдохнул в нее часть своей жизненной силы и сотворил Соленых людей. Поэтому, когда мы умираем, нас нельзя хоронить в земле. Попадая в воду, мы возвращаемся домой.

Мое объяснение, по-видимому, понравилось Морелле.

– Вот! Было бы мило рассказать что-то подобное на похоронах. А то... все о смерти да о смерти.

Я выдавила из себя улыбку:

– Ну... Это в первый раз так кажется. Потом привыкаешь.

Морелла потянулась ко мне и с серьезным видом накрыла ладонью мою руку.

– Мне ужасно жаль, что тебе пришлось увидеть так много похорон. Ты слишком юна, чтобы испытывать столько боли и страданий.

⁵ Mercy – «милость», honour – «честь», verity – «истина» (англ.).

⁶ Кракен – мифическое морское чудовище, огромный головоногий моллюск. (Примеч. ред.)

Дождь усилился, окутав Хаймур серой пеленой. Бушующее море играло огромными булыжниками у подножия утеса, словно маленький мальчик, перебирающий камушки в кармане. Камни с грохотом ударялись о скалы и порой заглушали раскаты грома.

– А что будет дальше?

Я моргнула и снова прислушалась к словам Мореллы.

– Что ты имеешь в виду?

Мачеха закусила губу, пытаясь подобрать правильные слова.

– Ну, теперь она... снова обратилась в Соль... а мы что?

– На этом все. Мы попрощались. После поминок все закончится.

Пальцы Мореллы немного подрагивали, выдавая ее беспокойство и досаду.

– Разве? По-моему, это не так. Твой отец сказал, что нам придется ходить в черном еще несколько недель.

– На самом деле месяцев. Мы носим черное полгода, а затем еще полгода – темно-серые оттенки.

– Год?! – ахнула мачеха. – Неужели мне действительно придется носить эту траурную одежду целый год?

Люди, стоявшие неподалеку от нашего дивана, обернулись, услышав этот возглас негодования. Морелла для приличия покраснела и печально отвела глаза.

– Я хотела сказать... Орган совсем недавно привез мои свадебные подарки. И там нет ничего черного.

Для сегодняшней церемонии она позаимствовала платье у Камиллы, но оно не совсем подошло. Морелла поправила корсет и продолжала:

– Дело не только в одежде. А что насчет тебя и Камиллы? Вам нужно выходить в свет, знакомиться с молодыми мужчинами, влюбляться...

Я слегка наклонила голову, пытаясь понять, стоит ли воспринимать слова мачехи всерьез.

– У меня только что умерла сестра. Как-то не хочется думать о танцах.

Очередной раскат грома заставил нас вздрогнуть. Морелла сжала мою ладонь, и я вновь посмотрела ей в глаза.

– Прости меня, Аннали. Я сегодня все говорю невпопад. Я имела в виду, что... после стольких трагедий в нашу семью наконец должно прийти счастье. Вы достаточно погоревали. Стоит ли продолжать лелеять в себе эту боль? Мерси, Онор и милая крошка Верити должны играть в куклы в саду, а не принимать соболезнования и вести праздные светские беседы. А Розалия с Лигейей, да и Ленор тоже... Ты только посмотри на них!

Тройняшки устроились на маленьком диванчике, на самом деле предназначенном только для двух человек. Девочки всхлипывали, вытирая слезы вуалью; их руки переплетались, и все вместе они напоминали огромного паука. Никто не осмеливался приблизиться к малышам, так остро переживающим горе.

– Мне больно видеть всех в таком состоянии.

Я наконец высвободила свою руку из-под ее ладони:

– Обычно, когда кто-то умирает, люди чувствуют себя именно так. Нельзя изменить традиции только потому, что они тебе не нравятся.

– А может, стоит найти повод для радости? Что-то, что нужно отметить, а не держать в тайне? Хорошие новости всегда приносят радость, не так ли?

К нам подошел слуга и предложил вина. Я взяла бокал, а Морелла привычно мотнула головой. Она быстро вошла в роль первой леди Хаймура.

– Пожалуй, – процедила я. Послышался еще один раскат грома. – Но я, если честно, не вижу поводов для радости сегодня.

– А я вижу! – Морелла наклонилась и заговорщически прошептала: – Новая жизнь.

С этими словами она недвусмысленно положила руку на живот. Я сделала большой глоток вина и едва не поперхнулась от удивления.

– Ты в положении?

Морелла просияла.

– Папа знает?

– Еще нет. Я собиралась ему сказать, но меня прервали рыбаки – те, что сообщили об Эулалии.

– Он будет очень рад. Ты знаешь примерный срок?

– Думаю, около трех месяцев. – Морелла провела рукой по волосам. – Ты правда думаешь, что Орган обрадуется? Я готова на что угодно, лишь бы он снова улыбнулся.

Я снова посмотрела на папу, окруженного друзьями. Он был так занят воспоминаниями об Эулалии, что почти не принимал участия в разговоре. Я кивнула:

– Уверена.

Морелла сделала глубокий вдох:

– Тогда не стоит утаивать такую благую весть, не правда ли?

Не дождавшись ответа, мачеха подошла к большому роялю в центре комнаты. Она взяла с крышки колокольчик и позвонила, и все разговоры мгновенно смолкли. Когда я поняла, что она собирается сделать, у меня пересохло в горле.

– Орган! – позвала Морелла, отвлекая его от размышлений.

Ее голос был таким же высоким и тонким, как звон колокольчика.

Колокольчик моей мамы. Мы с Камиллой нашли его много лет назад, когда играли в переодевалки на чердаке. Мы любили его серебристый звон. Когда мама стала слишком слаба и не могла громко позвать нас, мы передали колокольчик ей. И теперь каждый раз, когда я слышала этот звон, в памяти невольно всплывали воспоминания о ее последней беременности и по спине пробегали мурашки.

Отец подошел к Морелле, и она продолжала:

– Мы с Органом хотим поблагодарить вас за то, что пришли сегодня. Последние дни казались нескончаемой черной ночью для нашей семьи, и ваше присутствие здесь – словно первые теплые рассветные лучики, пробивающиеся сквозь тьму.

Мачеха тщательно подбирала слова, но в то же время говорила очень легко. Я прищурилась: она подготовила речь заранее!

– Ваши воспоминания о милой и прекрасной Эулалии наполняют наши сердца радостью и рассеивают мрак. И мы рады – я бы даже сказала, счастливы, – что в это непростое утро начинается новая глава в жизни дома Фавмантов.

Камилла, беседовавшая с дядей в другом конце комнаты, непонимающе посмотрела на меня. Даже тройняшки разомкнули руки. Ленор, стоявшая рядом с небольшим диванчиком, напряженно вцепилась в мягкий подлокотник. Морелла взяла папу за руку, положила вторую ладонь на свой плоский живот и широко улыбнулась, добившись всеобщего внимания.

– И как ночь отступает перед сиянием утра, так и тень печали отступит перед появлением на свет нашего сына.

3

– Что за женщина! – ворчала Ханна, расстегивая крошечные пуговицы на моей спине. Затем она помогла мне снять платье и, фыркнув, смахнула с лица кудри цвета соли с перцем. – Этот день должен быть полностью посвящен Эулалии, а она использует его как повод сообщить такую неожиданную новость. Ни стыда ни совести!

Камилла улеглась на мою кровать рядом с Лигейей, смяв расшитое покрывало.

– Терпеть ее не могу!

Изменив тон и изображая тоненький голосок Мореллы, сестра продолжала:

– «И как бог света Вайпани, создавший солнце, мой сын будет сиять, как лучик солнечного света, как само солнышко, мой сыночек!»

Уткнувшись лицом в подушку, Камила рассмеялась.

– Пожалуй, ей следовало выбрать другое время, – согласилась Розалия, прислонившись к изголовью кровати и теребя хвостик длинной рыжей косы. Тройняшки, одинаковые во всем, отличались от остальных сестер медным оттенком волос, и я им немного завидовала. Эулалия была самой светлой из нас – почти блондинкой, а я самой темной. Мои волосы напоминали по цвету черный песок – характерную особенность побережья Соленых островов.

– Угу, – согласилась я, снимая с бедер подвязки.

Я правда была рада за папу, но эту новость все же стоило озвучить в другой день. Стягивая унылые темные чулки, я подумала о приданом Мореллы. Интересно, что же там было? Может, папа решил подарить ей белые шелковые чулочки, ленты и кружева в надежде, что новая жена положит конец всем несчастьям? Я надела черный муслиновый пеньюар и постаралась отогнать от себя мысли об атласных исподницах и разноцветных платьях.

– А что будет с нами, если она родит сына? – спросила Ленор, сидевшая на подоконнике. – Он станет наследником?

Камилла выпрямилась и села. Ее лицо слегка припухло от слез, но взгляд янтарных глаз выражал гнев и раздражение.

– Я унаследую все. А затем Аннали, когда проклятье заберет меня.

– Никого оно не заберет, – буркнула я. – Ерунда.

– Мадам Морелла так не считает, – заметила Ханна и, встав на цыпочки, повесила мое платье в гардероб среди таких же унылых темных нарядов.

– Что не считает? Что мы прокляты? – переспросила Розалия.

– Что вы будете первыми в порядке наследования. Я слышала, как она обсуждала с вашей тетусшкой Лизбетой, что носит под сердцем нового герцога.

Камилла закатила глаза:

– Может быть, у них так принято на большой земле. А здесь у нас другие правила. Хотела бы я видеть ее лицо, когда папа объяснит ей, что к чему.

Устроившись в кресле, я накинула на плечи легкий плед. Я так и не смогла отогреться после прогулки под дождем, а от известия Мореллы холод сковал и мое сердце.

– То есть твой муж может стать двенадцатым герцогом Соленых островов? – спросила Лигейя и нервно смяла подушку.

– Если я захочу, – ответила Камила. – Либо я сама стану герцогиней по праву крови, а он будет герцогом-консортом⁷. Разве Берта не объяснила тебе это все сто лет назад?

Лигейя пожала плечами:

– Думаешь, я помню все, что говорят гувернантки? Они такие зануды! К тому же я восьмая по порядку. Сомневаюсь, что я хоть что-либо унаследую.

⁷ Консорт – супруг правительницы, сам не являющийся монархом. (Примеч. ред.)

Как шестая дочь в семье я ее прекрасно понимала. Когда-то и я была в самой середине, а теперь оказалась второй в порядке наследования. В ночь, когда погибла Эулалия, я никак не могла уснуть из-за мыслей о свалившейся на меня ответственности. Герб Фавмантов – серебряный осьминог, держащий в распростертых щупальцах трезубец, скипетр и перо, – украшал каждую комнату в Хаймуре. Тот, что висел напротив моей кровати, теперь смотрел на меня с особенной важностью. А вдруг что-то случится с Камиллой и я стану главной наследницей? Пожалуй, стоило уделять больше времени урокам истории и меньше – фортепиано.

Меня научила играть Камилла. Мы были погодками – самыми близкими по возрасту сестрами, не считая тройняшек. Я родилась всего через десять месяцев после нее, и мы росли вместе как лучшие подружки. Чем бы она ни занималась, я всегда с радостью повторяла за ней. Когда Камилле исполнилось шесть, мама начала давать ей уроки на старом пианино в ее покоях. Сестра оказалась способной и показывала мне все, чему научилась. Мама объяснила нам, как играть ее любимые мелодии в четыре руки, и вскоре сочла, что мы готовы пересестись за большой рояль в Синей гостиной.

В доме всегда звучала музыка и смех моих сестер, танцевавших под наш аккомпанемент. Мы с Камиллой провели много прекрасных дней, сидя плечом к плечу за роялем и перебирая костяные клавиши. Даже сейчас я предпочла бы сыграть с ней дуэтом, хотя могла исполнить прекрасное соло: без Камиллы любое произведение звучало бы вполсилы слабее.

– Мисс Аннали!

Отвлечшись от размышлений, я подняла глаза и обнаружила, что Ханна смотрит на меня с поднятыми бровями.

– Она не говорила, какой срок?

– Морелла? Она думает, три месяца или чуть больше.

– Больше? – хмыкнула Камилла. – Они женаты всего четыре.

Ленор спрыгнула с подоконника и под села ко мне в кресло.

– За что ты ее так невзлюбила, Камилла? Я рада, что она здесь. Грации счастливы, что у них снова есть мама.

– Она не их мама. И не наша. Она даже в подметки маме не годится.

– Она старается быть хорошей, – возразила Ленор. – Она спрашивала, не хотим ли мы поучаствовать в подготовке бала. Мы совсем не выходим в свет во время траура, и это может стать отличной возможностью для дебюта!

– Вообще-то ты не можешь пойти на бал, – напомнила Камилла.

– Но ведь скоро наш шестнадцатый день рождения! – Розалия присела, обиженно надув губы. – Почему мы должны отказываться от веселья на целый год? Я устала от траура.

– А твои сестры наверняка устали на том свете, но как-то не жалуются! – раздраженно бросила Камилла, вскочив с кровати, и хлопнула дверью прежде, чем кто-либо успел ее остановить.

Розалия непонимающе моргнула:

– Что это на нее нашло?

Я закусила губу. Возможно, мне следовало пойти за сестрой, но я слишком устала, чтобы выяснять отношения.

– Она скучает по Эулалии.

– Мы все скучаем, – заметила Розалия.

Наши мысли снова вернулись к погибшей сестре, и в комнате повисло молчание. Ханна зажгла свечи и потушила газовые светильники. В углах комнаты заколыхались тени канделябров.

– Может быть, идея Мореллы не так уж плоха? Я имею в виду, провести бал? Шестнадцать лет бывает лишь однажды в жизни... Мы не виноваты в том, что кто-то все время умирает, – сказала Ленор, приютившись под моим покрывалом.

– Нет ничего плохого в том, чтобы хотеть праздника. Просто подумай, что сейчас чувствует Камилла. Ни у кого из нас не было первого бала. У Элизабет и Эулалии в том числе.

– Тогда ты можешь дебютировать вместе с нами! – предложила Розалия. – Можно устроить грандиозный бал – показать всем, что никакого проклятия нет и у нас все хорошо.

– К тому же до нашего шестнадцатилетия еще три недели. Мы можем соблюдать траур до этого... и все, – сказала Лигейя.

– Я только не понимаю, зачем вы пытаетесь убедить в этом меня. Все равно решение будет за папой.

– Он не откажет, если Морелла попросит... – лукаво улыбнулась Розалия. – В постели.

Тройняшки дружно расхохотались. Неожиданно раздался стук в дверь, и мы стихли в полной уверенности, что папа сейчас отчитает нас за шум. Но это оказалась Верити. Она стояла посреди коридора в черной ночной рубашке на два размера больше, чем следовало бы. Волосы малышки были всклокочены, а на щеках блестели дорожки от слез.

– Верити!

Она молчала, но протянула руки, чтобы кто-нибудь обнял ее. Я поспешила приголубить ее: сестренка излучала особое детское тепло. Хотя Верити вспотела во сне, ее оголенные руки были покрыты мурашками, и она уткнулась мне в плечо, словно ища утешения.

– Что случилось, малыш? – спросила я, поглаживая сестру по спине.

Ее волосы, касавшиеся моей щеки, были мягкими, как перышки птенчика.

– Можно я сегодня останусь здесь? Эулалия меня обижает.

Тройняшки тревожно переглянулись.

– Конечно, можешь. Но ты ведь помнишь, о чем мы говорили перед похоронами? Эулалии здесь больше нет. Она в море вместе с мамой и Элизабет.

Верити кивнула:

– Но она все равно стягивает с меня одеяло.

Малышка обвила тонкими руками мою шею и прижалась ко мне крепко, словно морская звезда, выброшенная приливом на берег.

– Ленор, проведай, пожалуйста, Мерси и Онор, ладно?

Сестра поцеловала Верити в макушку и вышла из комнаты.

– Я почти уверена, что это они решили тебя подразнить. Это просто игра.

– Не очень-то веселая.

– Да уж, – согласилась я и уложила Верити в кровать. – Можешь остаться здесь сегодня. Здесь безопасно. Спи спокойно.

Верити еще немного похныкала, но потом устроилась поудобнее и прикрыла глаза.

– Пожалуй, мы тоже пойдем, – прошептала Розалия и встала с кровати. – Папа скоро зайдет нас проведать.

– Вас проводить обратно на второй этаж? – спросила Ханна, протянув Розалии и Лигейе по свече.

Розалия отрицательно помотала головой, но обняла горничную и взяла свечу, прежде чем выйти из комнаты.

– Подумай о том, что мы тут обсуждали, – сказала Лигейя и поцеловала меня в щеку. – Нам всем будет лучше, если мы завершим траур.

Она обняла Ханну на прощание и побежала по коридору. Тройняшки давно отказались от отдельных спален, заявив, что им спокойнее спится вместе. Внимание Ханна снова переключилось на меня.

– Может быть, ты тоже ляжешь спать, Аннали?

Я оглянулась на Верити, которая уютно устроилась на моих подушках.

– Пока нет. Слишком много мыслей, чтобы заснуть.

Ханна направилась к маленькому столику в другом конце комнаты, а я вернулась в кресло, задумчиво перебирая в руках покрывало. Вскоре она вернулась с двумя чашками коричневого чая и присела рядом со мной. Ее действия невольно напомнили мне одну ночь шестилетней давности: когда хоронили маму.

Ханна была на том же самом месте, а я сидела рядом на полу, положив голову ей на колени, и она пыталась утешить как можно больше моих сестер одновременно. Камилла – рядом со мной с опухшими и покрасневшими глазами, Элизабет и Эулалия плакали и обнимали тройняшек, стоя на коленях возле нас. Ава и Октавия по обе стороны от Ханны держали на руках спящих Онор и Мерси. Только новорожденная Верити была не с нами, а с кормилицей.

Все боялись остаться одни в ту ночь.

– Какие славные похороны... – сказала Ханна, размешивая чай.

Я отвлеклась от воспоминаний.

– Столько молодых людей. Столько слез. Не сомневаюсь, Эулалия была бы довольна.

Я сделала небольшой глоток, неспешно насладились вкусом специй и кивнула в знак согласия.

– Ты сегодня не очень-то разговорчива, – заметила Ханна, когда молчание слишком затянулось.

– Я просто думаю о том, каким странным был этот день. Вообще все как-то странно с тех пор, как они... ее нашли.

Я осеклась, словно смысл, стоящий за этими словами, был слишком тяжелым, чтобы облекать его в красивые фразы.

– Меня что-то смущает в ее смерти. А тебя?

Ханна внимательно посмотрела на меня:

– Когда умирают молодые, это всегда сложно принять. Особенно такие многообещающие и красивые девушки, как Эулалия.

– Нет, я немного о другом. Я могу понять, почему погибли остальные. Каждая смерть была по-своему ужасна и печальна, но вполне объяснима. А вот в случае Эулалии... Что она вообще там забыла? Одна в темноте?

– Мы обе знаем, что она вряд ли собиралась гулять там одна.

Я вспомнила заплаканные лица на похоронах.

– Но зачем ей было встречаться с кем-то именно там? Она никогда не гуляла по скалам даже при свете дня. Боялась высоты. Что-то здесь не так.

Ханна цокнула языком, отставила чашку и крепко обняла меня. Я ощутила легкий запах ее любимого мыла: молоко и мед. Ханна была слишком экономной, чтобы пользоваться духами или эфирными маслами, но ее простой и теплый аромат действовал на меня успокаивающе. Я с удовольствием вдыхала этот запах, положив ей голову на плечо.

Со временем оно стало мягким и податливым, а кожа на шее, выглядывавшей из-под воротника английской блузки, сморщилась и истончилась. Ханна появилась в Хаймуре с рождением Авы и с тех пор нянчила всех нас, залечивая содранные коленки и успокаивая раненные души. Ее сын Фишер был на три года старше меня и рос вместе с нами. Ханна затягивала на нас первые корсеты и делала прически, попутно утешая нас, когда непослушные локоны отказывались подчиняться. Она не упустила ни одного момента нашего детства и всегда была где-то рядом, чтобы обнять в трудную минуту или поцеловать перед сном.

– Ты стелила для нее постель той ночью? – спросила я, присев. Ханна, вероятно, одна из последних, кто видел Эулалию живой. – Тебя ничего не насторожило?

– Не припоминаю, – покачала головой няня. – Но я была с ней совсем недолго. У Мерси заболел живот, и она попросила мятного чая.

– А что... потом? Ты помогала с... ее телом, да?

– Конечно. Я позаботилась обо всех твоих сестрах. И о маме.

– Как она выглядела?

Ханна сглотнула и скрестила руки на груди.

– О таком лучше не говорить.

Я нахмурилась:

– Я знаю, она... наверное, это было совершенно ужасно, но ты, случайно, не заметила ничего странного? Может, чего-то не хватало?

Ханна скептически прищурилась:

– Она упала на скалы с высоты более сотни футов. Да, кое-чего «не хватало».

– Прости, – извинилась я, глубоко вздохнув.

Мне очень хотелось узнать, помогал ли кто-то еще подготовить тело Эулалии к возвращению в Соль, но Ханна явно не желала больше говорить на эту тему.

– Ты устала, милая, – сказала она. – Ложись спать, утро вечера мудренее.

Ханна поцеловала меня в макушку и ушла. Дверь тихонько захлопнулась. Убедившись, что Верити снова крепко заснула, я подошла к окну, не в силах унять необъяснимую тревогу. Из моей спальни открывался вид на сад, находившийся тремя этажами ниже с южной стороны дома. В центре лужайки располагался большой фонтан в виде мраморного парусника, окруженный декоративным зеленым лабиринтом.

Верити перевернулась и что-то пробормотала сквозь сон. Я почти задвинула тяжелые портьеры, но тут мое внимание привлек огонек, блеснувший в темноте. Дождь давно закончился, но тучи по-прежнему застилали небо, скрывая звезды. Это был фонарь. Огонек мелькал среди фигурно выстриженных кустов, напоминавших формой горбатого кита, а потом показался из-за ветвей, и я увидела два силуэта.

Первый человек, пониже ростом, нес фонарь, затем он сел на закругленный парапет фонтана и поставил светильник рядом. Пламя свечи осветило белую прядь папиных волос.

Что он делал в саду так поздно в день похорон Эулалии? Он отправил всех нас спать пораньше, сказав, что мы должны посвятить этот вечер священным молитвам, чтобы морской бог Понт позволил нашей сестре обрести вечный покой в соленых водах. Человек с фонарем откинул капюшон мантии, и я увидела светлые локоны. Морелла. Она указала на место рядом с собой, и папа присел. Через несколько мгновений его плечи содрогнулись. Он плакал.

Морелла прижалась к нему, обняв за спину и притянув поближе. Она провела рукой по папиной щеке, и я отвела взгляд. Мне не нужно было слышать их разговор, чтобы понять: слова Мореллы приносили отцу утешение, словно спасительный бальзам. Может, она и не знала наших островных обычаев, но в эту минуту мне почему-то стало радостно оттого, что она здесь, в Хаймуре. Никто не должен переживать такое страшное горе один.

Отвернувшись от окна, я улеглась в кровать и устроилась поудобнее рядом с Верити. Ее мерное дыхание убаюкивало, и я вскоре задремала.

4

Первым, что бросилось мне в глаза за завтраком, оказалось синее атласное платье Мореллы. Ее локти были обрамлены белой плиссированной органзой, а на шее поблескивала нитка жемчуга. В комнате с завешанными портретами и траурными венками жемчужины выглядели просто ослепительно, словно маленькие драгоценные птички.

Морелла подняла на меня взгляд, отвлекшись от стола, на котором стояли подносы с едой. В Хаймуре придерживались свободного утреннего расписания: каждый мог прийти, когда ему удобно, и позавтракать самостоятельно.

– Доброе утро, Аннали. – Морелла положила на тарелку имбирный скон⁸ и щедро смазала его маслом. – Как спалось?

На самом деле ужасно. Верити спала очень беспокойно и при каждом повороте лягалась, как мул. Я не могла перестать думать об Эулалии и ее ночной прогулке по утесу. Сумбурные мысли не давали мне крепко уснуть, и я забылась тревожным сном только после полуночи.

– Привет, любовь моя! – раздался папин голос.

Мы с Мореллой обернулись: каждая посчитала, что приветствие адресовано ей. Но отец прошел мимо меня и поцеловал супругу, пожелав ей доброго утра. На нем был темный сюртук, но не иссиня-черный, к которому я уже успела привыкнуть, а скорее угольно-серый.

– Ты прекрасно выглядишь! – сказал отец, покружив Мореллу и любуясь ее едва выступающим животом.

– Кажется, беременность мне к лицу.

Она излучала абсолютное счастье. Беременности мамы обычно были связаны с невыносимой тошнотой по утрам и постельным режимом задолго до родов. Когда я выросла, Ава и Октавия научили меня заботиться о маме и показали лучшие масла и примочки, облегчавшие боль при схватках.

– А ты как думаешь, Аннали? – поинтересовалась Морелла.

Я решила, что, включив меня в разговор, она попыталась проявить доброжелательность. Я внимательно рассмотрела ярко-синий атлас. Морелла выглядела чудесно, но такой наряд показался мне неуместным на следующий день после похорон падчерицы.

– А платья Эулалии уже стали тебе малы?

– М-м-м... О да, конечно. – Морелла воспользовалась возможностью и с довольным видом погладила свой живот.

– На самом деле, – вмешался папа, добавляя в свою тарелку несколько кусочков копченой рыбы, – нам всем нужно поговорить на эту тему. Аннали, ты не могла бы позвать сестер?

– Сейчас? – Я взглянула на вареные яйца, которые как раз собиралась съесть. Они быстро остынут.

– Пожалуйста.

Я демонстративно оставила посреди стола полупустую тарелку и нехотя поплелась вверх по лестнице. Я была ранней пташкой, но далеко не все сестры разделяли мои предпочтения. Мерси и Розалию, пожалуй, не смог бы разбудить даже пушечный выстрел.

Я решила начать с Камиллы. Она уже открыла шторы, и ее богато убранную спальню в сливовых тонах освещал слабый серый свет. К своему удивлению, я обнаружила сестру перед зеркалом: она закрепляла заколками локоны. Камилла пока еще не успела накрасить губы и подрумянить щеки, но на туалетном столике стояли баночки с краской и хрустальные флаконы

⁸ Скон – традиционная британская выпечка: небольшие сладкие хлебцы, которые, как правило, подаются со сливочным маслом и джемом.

духов. Черное креповое покрывало, такое же, как на моем зеркале, лежало у ее ног. Интересно, как давно она его сбросила.

– Уже позавтракала? – спросила сестра.

– Папа хочет, чтобы все спустились. У него для нас какие-то новости.

Камилла на мгновение замерла над шкатулкой с украшениями, а затем неохотно достала черную сережку.

– Он больше ничего не сказал?

Я присела на скамью рядом с Камиллой и поправила свою прическу. Я не видела своего отражения в зеркале почти неделю.

– Папа – нет, а вот синее платье Мореллы говорит о многом. Думаю, Эулалия была бы в ярости, если бы узнала о происходящем. Помнишь, после смерти Октавии Эулалия как-то раз захотела выйти на улицу и посмотреть, что за шум – бродячий цирк или что-нибудь другое, – и папа не выпустил нас из дома? Он сказал: «Никто не должен видеть нас, когда мы переживаем такое горе», – продолжила я, изображая папин низкий голос. – А к тому времени с похорон Октавии, между прочим, прошло уже несколько месяцев!

– Эулалия не могла прийти в себя несколько недель...

– А мы почтим ее память, соблюдая траур пять дней или сколько там? Папа, например, уже в сером. Я считаю, это неправильно.

Камилла открыла пузырек с помадой винного цвета и начала его внимательно рассматривать.

– Я согласна.

– Правда? – спросила я, бросив многозначительный взгляд на зеркало. Я забрала у нее из рук краску и случайно пролила немного на себя. Стекая по пальцам, она выглядела как кровь.

Камилла поправила выбившийся локон:

– Я никогда не умела укладывать волосы без зеркала.

– Я могла бы помочь. А что, если Эулалия...

Камилла закатила глаза:

– Да не застрянет ее душа в зеркале. Она и при жизни мечтала уйти из этого дома, с чего бы ей оставаться здесь после смерти?

Я отложила краску для губ и огляделась в поисках какой-нибудь салфетки.

– Ты не в настроении? – Камилла протянула мне носовой платок.

– Я сегодня плохо спала. Никак не могла выбросить из головы дурацкую фразу Лигейи.

Она выбрала другой цвет и придала губам ягодный оттенок.

– Я никогда не выйду замуж, если ничего не изменится, – произнесла она с виноватым видом.

– Неправда, – возразила я. – Любой мужчина был бы счастлив иметь такую супругу, как ты. Ты умна и не менее прекрасна, чем Эулалия.

Камилла усмехнулась:

– Никто не сравнится с Эулалией. Но если я буду всю жизнь прятаться в этом мрачном доме, закутавшись в креп и бумазею, я никогда никого не найду.

Я не хочу оскорбить память Эулалии или кого-либо из наших сестер, но, если мы будем соблюдать все этапы траура каждый раз, когда кто-то умирает, мы едва ли сами доживем до счастливых времен. Так что... я готова жить дальше. И твой осуждающий взгляд не изменит моего мнения.

Я взяла в руки темную ткань, закрывавшую зеркало, и задумчиво погладила ее. Камилла не расстроила меня. Она заслуживала счастья. Мы все заслуживали. Все мечтали о чем-то прекрасном. Конечно, мои сестры желали бы выходить в свет, бывать при дворе, на концертах и балах. Всем им хотелось бы быть невестами, женами, матерями. Я не могла их осуждать. И все же я крепко держала в руках траурное покрывало.

– Папа зовет нас вниз! – крикнула Розалия, прервав наш разговор.

Тройняшки столпились в дверях, с любопытством заглядывая в комнату. В странном утреннем свете они казались причудливым клубком с множеством рук, ног и косичек. На мгновение они показались мне одним целым, а не тремя отдельными девочками. Ленор вырвалась из клубка, и мое странное видение исчезло.

– Завяжи, пожалуйста, – протянула она мне черную ленту. – У Розалии получается слишком туго.

Ленор села перед Камиллой, убрав с длинной бледной шеи тяжелую косу. Тройняшки носили свои ленты как украшения – вокруг шеи. Когда мы были маленькими, Октавия обожала рассказывать нам страшные истории перед сном. Она выдумывала сказки про прекрасных дам, иссыхающих от тоски по своим возлюбленным, призраков и гоблинов, демонов и вестников – и дураков, заключавших сделки с теми и другими. А потом, когда мы тряслись от ужаса под одеялами, они с Эулалией пробирались в наши комнаты и срывали с нас покрывала.

Одна из любимых историй Октавии была про девочку, которая всегда носила зеленую ленточку вокруг шеи. Ее никогда не видели без этой ленты – ни в школе, ни в церкви, ни даже на свадьбе. Все гости говорили, что она прекрасная невеста, но недоумевали, почему она выбрала такое простое украшение. В честь медового месяца муж подарил девушке ожерелье из бриллиантов, ярко сияющее под звездным небом. Он хотел, чтобы в ту ночь его любимая легла в постель только в бриллиантах. Получив отказ, он расстроился и ушел. Вскоре он вернулся и увидел девушку спящей на их большой кровати. На ней были лишь ожерелье и зеленая лента. Устроившись рядом, молодой муж тайком развязал ленточку, и ее отрубленная голова отделилась от тела.

Тройняшки обожали эту страшилку и просили рассказывать ее снова и снова. Когда Октавия умерла, они с каким-то болезненным энтузиазмом повязали черные креповые ленты вокруг шеи. Камилла встала со скамьи. Когда я протянула ей покрывало, она бросила его в сторону, оставив открытым сияющее зеркало.

* * *

Мерси, Онор и Верити сидели за дальним концом обеденного стола. Старшие девочки набирали в тарелки вареные яйца и рыбу. Перед Верити стояла тарелочка клубники со сливками, но она лишь перебирала ягодки и ничего не ела. Верити сидела на своем обычном месте, но, как мне показалось, постаралась как можно дальше отстраниться от Онор и Мерси. Очевидно, она еще не простила им вчерашнюю злую шутку.

Мы решили обойтись без завтрака. Папа сидел во главе стола и явно хотел скорее сообщить нам новости.

– После завтрака в Золотой гостиной вас ждет приятный сюрприз, – начал он без лишних слов.

Золотая гостиная была маленькой и скорее походила на кабинет. Здесь обычно принимали важных гостей – придворных или Верховного Морехода. Однажды много лет назад во время летнего путешествия по стране у нас остановилась королевская семья, и королева Аделаида использовала Золотую гостиную как салон. Ей понравились блестящие дамастовые⁹ портьеры, и мама пообещала никогда их не менять.

– Что случилось, папа? – спросила Камилла.

– После долгих раздумий я решил, что время скорби в нашей семье прошло. Хаймур многие годы находился во тьме. Я хочу положить конец трауру.

– Мы похоронили Эулалию вчера, – напомнила я, скрестив руки на груди. – Вчера!

⁹ Дамаст – плотная матовая шелковая ткань с атласной вышивкой.

Кто-то пнул меня ногой под столом, и я ответила тем же. Я не могла точно сказать, кто это, но подозревала Розалию.

Папа вскинул брови:

– Я знаю, это может показаться преждевременным, но...

– Очень преждевременным, – перебила я и получила еще один пинок. На этот раз я не сомневалась в том, что это Лигейя.

Папа сжал переносицу, словно пытаюсь предотвратить мигрень:

– Мне кажется или ты хочешь что-то сказать, Аннали?

– Как тебе вообще могло прийти такое в голову? Это неправильно.

– Мы и так уже пережили слишком много горя. Пора начать с чистого листа, и я не хочу, чтобы наша новая жизнь была омрачена печалью.

– Твоя новая жизнь. Ваша с Мореллой. У тебя не возникло бы таких мыслей, не будь она беременна.

Тройняшки испуганно ахнули, в глазах Мореллы вспыхнула обида, но я уже не могла остановиться. К черту чувства: это слишком важный вопрос.

– Она сказала, что ждет мальчика, и ты уже готов свернуть горы, чтобы сделать ей приятно. Ты готов напрочь забыть о своей первой семье. Проклятой семье.

Темные, страшные слова сорвались с моих губ. Верити сдавленно вскрикнула.

– Нет никакого проклятия, – буркнула Ленор и поспешила утешить младшую сестру. – Скажите ей, что это неправда.

– Я не хочу умирать! – всхлипнула Верити, перевернув тарелку со сливками.

– Ты не умрешь, – сказал папа. Его пальцы так крепко сжали деревянные подлокотники стула, что те едва не треснули. – Аннали, ты переходишь все границы. Извинись немедленно.

Я встала со своего места и присела перед Верити, обняв ее и погладив мягкие детские волосы.

– Прости. Я не хотела тебя расстроить. Нет никакого проклятия, правда.

– Я имел в виду не Верити, – холодно отчеканил папа.

Я упрямо сжала губы. Хотя мои колени слегка подрагивали, я заставила себя не отводить взгляд.

– Аннали, – предостерегающе произнес он.

Я начала считать секунды, прислушиваясь к тиканью стрелки маленьких серебряных часов на каминной полке. Когда прошло полминуты, Камилла кашлянула, чтобы привлечь внимание отца.

– Ты, кажется, говорил о каком-то сюрпризе в гостиной?

Папа потер бороду. Неожиданно он показался мне очень постаревшим.

– Да. На самом деле это идея Мореллы. Небольшой подарок для всех вас.

Тяжело вздохнув, отец продолжал:

– Чтобы отметить окончание траура, мы пригласили портных, чтобы они сшили для вас новые платья. Шляпник и сапожник тоже тут.

Мои сестры дружно завизжали от счастья, а Розалия бросилась к папе и Морелле, крепко обняв обоих.

– Спасибо, спасибо, спасибо!

Я поцеловала Верити в макушку и встала, намереваясь уйти в свою комнату. Я не хотела новых платьев. Я не собиралась забывать старые обычаи, соблазнившись яркими безделушками и шелками.

– Аннали, – позвал папа.

Я остановилась.

– Куда ты собралась?

– Поскольку мне не нужны новые вещи, можете забрать мою часть себе.

Отец покачал головой:

– Мы все завершаем траур, ты в том числе. Я не позволю, чтобы ты ходила в мрачных тусклых нарядах, в то время как все остальные продолжают жить дальше.

Я сделала глубокий вдох, но не смогла сдержать гневную ремарку:

– Думаю, Эулалия тоже хотела бы жить дальше.

Отец пересек комнату тремя быстрыми шагами. Он не был жестоким человеком, но в это мгновение я не на шутку перепугалась, что он может меня ударить. Взяв под локоть, папа вывел меня в коридор:

– Ты перестанешь упрямиться прямо сейчас.

Я даже не подозревала, что во мне есть столько мужества, но отрицательно замотала головой, показывая открытое неповиновение.

– Давай живи дальше, ты ведь начал с чистого листа. Оставь меня в покое и позволь почтить память моих сестер, как я считаю нужным.

– Никто не сможет жить дальше, если ты будешь ходить по дому в черном траурном облачении как немой укор всем нам!

Отец отвернулся к окну и досадливо выругался. Когда он снова посмотрел на меня, его лоб пересекали глубокие морщины.

– Я не хочу ссориться, Анна. Я скучаю по Эулалии так же, как и ты. И по Элизабет, и Октавии, и Аве. И больше всего – по твоей маме. Думаешь, я чувствую себя очень счастливым, вернув полсемьи обратно в Соль?

Папа устало опустился на небольшую скамейку. Она была слишком низкой для него, поэтому колени оказались на уровне груди. Через несколько мгновений папа жестом предложил мне сесть рядом.

– Я знаю, многие мужчины мечтают о трудолюбивых сыновьях, которые продолжат их дело, унаследуют имущество, передадут детям фамилию. Но я всегда гордился тем, что у меня так много девочек. Многие прекрасные моменты моей жизни связаны с тем периодом, когда вас еще было одиннадцать – как мы с вами и вашей мамой играли в карнавал, выбирали кукол... Когда Сесилия забеременела Верити... это стало таким прекрасным сюрпризом. После смерти мамы я думал, что больше никогда не смогу испытать такого счастья.

Слеза скатилась по щеке и упала с кончика папиного носа. Он смахнул ее, отстраненно рассматривая рисунок под нашими ногами. Пол в коридоре был выложен мозаикой из маленьких кусочков морского стекла, изображавшей морские волны.

– После стольких лет печали и трагедий я снова получил шанс обрести счастье. Оно уже никогда не будет абсолютным – разве это возможно, когда я потерял столько любимых людей? – но я не могу упустить эту возможность.

Ленточка на моем запястье уже растрепалась, и я задумчиво теребила ее пальцами, охваченная чувством дежавю. Кажется, мы с Камиллой говорили о том же самом всего несколько минут назад.

– Думаю, у портных найдется светло-серый шелк? – наконец сдалась я.

– Сесилия всегда считала, что тебе к лицу зеленый, – заметил отец, легонечко ткнув меня локтем. – Именно поэтому она поручила сделать твою комнату в изумрудных тонах. Твои глаза напоминали ей море перед большой бурей.

– Хорошо, я посмотрю, что у них есть, – ответила я, взяв руку отца, и он помог мне встать, – но даже не надейся увидеть меня в розовом.

* * *

– Ты только посмотри на этот атлас! Это самый приятный оттенок розового, который я когда-либо видела! – пропищала Розалия, примеряя нежно-розовый материал.

По всей Золотой гостиной были разложены ткани и лоскуты. Ящики с лентами и кружевами выглядели словно переполненные сундуки с сокровищами. В комнате, кажется, не осталось ни одной свободной поверхности. Я уже успела споткнуться о три коробки пуговиц.

Камилла приложила к лицу лоскут шафранового цвета:

– Как тебе такой оттенок, Аннали?

– Тебе очень идет, – вmeshалась Морелла.

Она сидела на стеганой оттоманке посреди всего этого хаоса, словно изнеженная королева пчел. После инцидента в столовой Морелла даже не хотела смотреть в мою сторону; наверное, стоило извиниться.

– Мне кажется, к твоим глазам больше подойдут синеватые оттенки, – заметила я, предложив образец небесно-голубого цвета. – Видишь? Он прекрасно оттеняет твою кожу, ты выглядишь свежей и румяной. Как тебе, Морелла?

Мачеха едва заметно кивнула и принялась с интересом рассматривать блестящую ленту, которую Мерси вытащила из ящика.

– Такие бантики великолепно подойдут для милой госпожи, – заверила портниха. – Вы уже видели эти наброски? – протянула она Камилле стопку эскизов. – Мы можем сделать такую отделку на любом платье.

Камилла взяла рисунки и присела на пуф, обитый блестящим дамастом. Портниха присоединилась к ней и начала делать заметки. На мягких вешалках рядом со мной висели отрезки сливочного льна и роскошного зеленого шелка. Я выбрала три варианта для длинных струящихся платьев и даже наряд ко дню рождения тройняшек. Несмотря на сомнения, я все равно ощутила радостное предвкушение, рассматривая тюль цвета морской пены с яркими серебряными пайетками, сверкающими, словно звездочки. Из таких тканей, безусловно, получится сказочное платье.

Тем временем Ленор обнаружила какую-то красивую коробочку.

– Ух ты! Смотрите скорее!

Внутри оказалась пара туфель, обернутая в бархат. Серебристая кожа выглядела мягкой, словно сливочное масло, и нежно поблескивала в свете дня. С обеих сторон были пришиты шелковые ленточки, которые следовало завязывать вокруг лодыжек. Эти туфельки предназначены для танцев. Верити мигом схватила одну из них и поднесла к глазам, внимательно разглядывая узор из бусин на мыске.

– Волшебные туфельки!

– Они великолепны, – с восхищением сказала Морелла, рассматривая второй башмачок.

Тут в разговор вступил сапожник Рейнольд Гервер:

– Изготовление каждой пары занимает две недели. Для дополнительного удобства мы делаем мягкие стельки. Вы можете танцевать всю ночь, а утром ваши ножки будут чувствовать себя как ни в чем не бывало.

Розалия выхватила туфельку из рук Верити:

– Я хочу надеть такие на бал.

– Нет! Я их первая увидела! – возмутилась Ленор. – Они мои.

– Нам всем нужно по паре, – заключила Лигейя. Присев на оттоманку рядом с Мореллой, она провела пальцами по шелковым лентам.

– Шестнадцать бывает лишь однажды.

Камилла на мгновение отвлеклась от эскизов:

– Их можно выполнить в другом цвете? Я бы хотела золотисто-розовые, в тон платью.

Гервер кивнул:

– У меня есть с собой все образцы кожи.

Сапожник достал книжицу из-под развернутой желтой ткани и остановился, внимательно посмотрев на Мореллу.

– Поскольку эти туфельки такие особенные... они могут влететь в копеечку.

– Влететь в копеечку? – грозно спросил папа, показавшись в дверном проеме. – Я, значит, оставил своих девочек одних всего на час, а меня уже пустили по миру?

Розалия протянула ему блестящую туфельку:

– Ты только посмотри, папа! Эти туфли прекрасно подошли бы для бала. Можно мы возьмем их? Ну пожалуйста!

Папа внимательно посмотрел на лица всех дочерей, исполненные надежды.

– Я так понимаю, вы все хотите по паре?

– И мы тоже! – пропищала Онор, встав на цыпочки, чтобы выглянуть из-за коробок со шляпками.

Лицо папы стало равнодушным, как маска.

– Я должен посмотреть на них. Одно из главных правил торговли: не заключай соглашение, пока не проверишь груз.

Розалия вернула туфельку младшей сестре и слегка подтолкнула ее. Верити выступила вперед, держа башмачок дрожащими от трепета пухлыми пальчиками.

– Это волшебные туфельки, папа.

Отец изобразил невероятное изумление, вертя башмачок в руках.

– Волшебные туфельки, говоришь?

Большие глаза Верити, такие же зеленые, как у меня, радостно засияли.

– Выглядят ужасно изысканно. Наверное, очень хрупкие?

– Отнюдь! – возразил сапожник. – Уверяю вас, они выдержат целый балый сезон. Я делаю подошвы из лучшей кожи в королевстве – гибкой, но очень крепкой.

Папа с недоверием посмотрел на мастера:

– Сколько за восемь пар?

Морелла, по-прежнему сидевшая на оттоманке, негромко фыркнула.

– Девять пар, – уточнил папа. – Девять пар к концу месяца. У моих дочерей бал, нужно успеть.

Гервер присвистнул:

– Времени совсем мало. Мне придется нанять помощников...

– Сколько?

Гервер начал считать по пальцам, затем многозначительно поправил золотые очки на кончике носа и заключил:

– Каждая пара стоит сто семьдесят пять золотых флоретов. Но девять пар всего за три недели... Я бы просил не меньше трех тысяч.

Игривое настроение мгновенно улетучилось из гостиной. Папа ни за что не согласился бы на такое расточительство. Я даже боялась представить, во сколько ему обойдутся одни только новые платья и корсеты.

– Я уверена, что мы не разоримся от девяти пар обуви, Ортан, – заметила Морелла с лукавой улыбкой.

Верити встала на цыпочки, неотрывно следя за изменениями в папином лице.

– Ты правда думаешь, что эти туфельки стоят того, крошка? – спросил отец, присев перед ней на корточки.

Верити оглянулась на нас и кивнула. Неожиданно папа расплылся в широкой улыбке:

– Тогда выбирай свой цвет. Всем по паре волшебных туфель!

5

Взмахнув веслами в последний раз, я вошла в гавань Селкирка. Солнце только поднялось над горизонтом и освещало причал теплыми ласковыми лучами. На поминках Эулалии Морелла говорила, что собиралась сообщить папе о беременности, но ее прервали рыбаки, обнаружившие тело. Возможно, они заметили что-нибудь необычное, хотя бы маленькую деталь, но забыли сообщить об этом отцу, потому что списали все на несчастный случай. Я продела канат в отверстие крепительной утки¹⁰, завязала узел, а затем выбралась из лодки. Нужно найти тех рыбаков.

* * *

Пять Соленых островов раскинулись в Калейском море, словно драгоценное ожерелье. Селкирк находился дальше всех на северо-востоке. Здесь обитали торговцы рыбой, капитаны и моряки. В шумной гавани каждый день отгружали свежельовленные дары моря.

За Селкирком располагалась Астрейя – самый густонаселенный остров. На его скалистых берегах можно было найти магазины, рынки и таверны.

Словом, нарядный и богатый торговый город. С тех пор как наша семья решила провести бал, тройняшки наведывались сюда чуть ли не каждый день в поисках приятных мелочей. Еще по одной паре чулок, новый оттенок помады... Морелле каким-то чудом удалось убедить отца, что все эти вещи жизненно необходимы юным леди, готовящимся к дебюту в высшем обществе.

Мы жили в самом центре архипелага, на Сольте-не. Васа представляла собой длинный узкий остров, напоминающий по форме угря. На северной и южной оконечности находились порты. Отец управлял большой верфью, занимавшей весь остров. Большая часть кораблей королевской армады строилась именно здесь. Однажды кто-то из придворных услышал, как король говорит, что корабли с Соленых островов – самые быстрые и маневренные в его флоте, и папа светился от гордости еще несколько месяцев.

Последний остров, Гесперус, был самым маленьким и самым важным – одним из главных стратегических постов во всей Арканнии. Здесь находился самый высокий маяк в стране, который ласково называли Старушкой Мод. Он не только помогал кораблям заходить в гавань и выходить в море, но и позволял отслеживать вражеские суда.

Я любила маяк. Он стал моим вторым домом. В детстве я сама вызывалась мыть окна в Хаймуре и натирала их до блеска, представляя, что нахожусь в галерее маяка. Я любила забираться на высокие скалы и воображать, что я отслеживаю чужестранные корабли на самой вершине Старушки Мод (хотя на самом деле это были всего лишь рыбаки, делающие свою ежедневную работу) и записываю малейшие подробности в огромный учетный журнал, как это делал Силас.

Силас был Хранителем Света с незапамятных времен. Он вырос на маяке и многому научился у отца, поэтому знал все о сигнальных огнях. Когда стало ясно, что у Силаса не будет собственных детей, папа решил подыскать для него подмастерья, который впоследствии сможет перенять его обязанности. Каждую ночь я молила Понта о том, чтобы это была я.

Однако выбор пал на Фишера, сына Ханны. Тот работал в порту, но папа считал, что он достоин большего. В детстве мы с Камиллой не давали Фишеру прохода и бегали за ним по

¹⁰ Крепительная утка – часть палубной арматуры корабля или лодки. (Примеч. ред.)

всему Сольтену, глядя на него влюбленными глазами и восхищаясь каждым движением. Когда он переехал на маяк, я рыдала в подушку целую неделю.

Я оглядела гавань Селкирка и увидела вдалеке сигнальный огонь. Интересно, чем сейчас занимался Фишер? Возможно, мыл окна. Силас придавал этому огромное значение. Я спустилась к воде и остановилась у ближайшей рыбацкой лодки, чтобы спросить у капитана, не знает ли он людей, обнаруживших тело у побережья Сольтена. Однако тот лишь отогнал меня, буркнув, что женщина у кораблей – к несчастью. Еще двое моряков последовали его примеру, но наконец мне удалось найти докера¹¹, который согласился со мной поговорить.

– Дочь герцога? – переспросил он, прикусив шарик жевательного табака. Из рта брызнул сок, и его борода окрасилась в желтый цвет. – Пару недель назад?

Я радостно кивнула в надежде узнать какие-либо подробности.

– Вам бы тогда стоило поговорить с Биллапсом... – Рабочий обвел взглядом пристань. – Но его лодка уже отплыла.

– А вы не знаете, когда он вернется?

Пока все готовились к балу, я могла уйти хоть на целый день, и никто бы даже не хватился.

– Точно не сегодня, – ответил докер, расстроив все мои планы. – И не завтра. Он хотел успеть хорошенько порыбачить перед прибором.

Рабочий поднял руку, определяя направление ветра.

– Холодает, чувствуете? Скоро будет буря.

Я попыталась скрыть разочарование и благодарно улыбнулась.

– А разве Экера там не было? – спросил другой грузчик, проходя мимо с огромной катушкой каната.

– Да? Я думал, он не покидал пристань в последнее время.

Докер, с которым я разговаривала, решил помочь товарищу, и вместе они перевернули тяжелую катушку, поставив ее на попа.

– Он на другом причале неподалеку. Старый рыбак – вы его сразу узнаете.

Я прошла через лабиринт соединенных между собой причалов, постоянно выискивая взглядом кого-нибудь с сетями. Только на третьей по счету пристани я наконец увидела его.

Экер сидел на скамье, а вокруг него были разложены сети и катушки темно-синей и зеленой веревки. Десятилетия, проведенные в порту, сделали его кожу темной и испещрили ее глубокими морщинами. Костлявыми скрюченными пальцами старик держал причудливо искривленную иглу, которой сшивал сети. Его руки легко нащупывали веревки, разложенные вокруг, но внезапно я поняла, что он не видит. Старик был слеп.

Я замешкалась, не зная, что делать дальше. Скорее всего, он не сможет рассказать мне никаких подробностей об Эулалии: найти ее мог только Биллапс. Я уже хотела было уйти, но тут Экер медленно развернулся, отложил сети и посмотрел прямо на меня белесыми, невидящими глазами.

– Если ты собираешься пялиться на старика все утро, девочка, лучше подойди поближе и составь ему компанию. – Экер вытянул руку и поманил меня корявым пальцем.

подавив нервный смешок, я приблизилась к его скамье.

– Я не знала, что вы видите меня, – извинилась я, поправляя льняную юбку.

– Естественно, я не вижу тебя. Я же слепой, – ответил старик.

Я непонимающе встряхнула головой:

– Тогда как...

– Твои духи. Или мыло. Или что там любят юные девушки. Я почувствовал их еще за сто шагов.

¹¹ Докер – портовый грузчик.

– Ах, вот как.

К своему удивлению, я почувствовала разочарование, когда услышала такой приземленный ответ.

– Так что тебе нужно от слепого старика?

– Я слышала, вы были вместе с рыбаком, обнаружившим тело...

– Девочка моя, в следующий вторник мне стукнет девяносто восемь. В моей жизни было множество самых разных тел. Какое конкретно тебя интересует?

– Эулалия Фавмант. Дочь герцога.

Рыбак опустил иголку:

– А, эта... Ужасное дело.

– А ваш приятель Биллапс не заметил ничего необычного?

– Красивые юные леди не так уж часто падают с обрывов, не так ли? Ты ведь это имеешь в виду?

Я присела на скамью рядом с ним:

– Вы думаете, это был несчастный случай?

Экер поднес к груди два скрюченных пальца, словно пытаясь отогнать злых духов.

– А что же еще? Она точно не спрыгнула. Мы видели медальон.

– Медальон? – задумчиво повторила я. Никогда не видела, чтобы Эулалия носила подобные украшения.

Старик кивнул:

– Цепочка разорвалась, но надпись на самом медальоне мы все же различили.

Я хотела было задать следующий вопрос, но тут рыбак застыл и резко схватил меня за руку. Его костлявые пальцы впились в мою ладонь, и я вскрикнула от неожиданности и боли. Хватка была настолько крепкой, что я даже не попыталась освободить руку.

– Скоро что-то случится, – испуганно прохрипел он.

Я подняла свободную руку и прикрыла глаза от яркого солнечного света. Верфь жила в своем ритме и постепенно наполнялась привычными звуками. Над головой кричали чайки, выжидая момента, чтобы стащить наживку у ничего не подозревающих рыбаков. Капитаны кричали на грузчиков, раздавали приказы и время от времени крепко ругались на непутевых моряков, умирающих от головной боли после бурной ночи в таверне.

– Я ничего не вижу.

Старик сжал мою ладонь еще сильнее, он был не на шутку встревожен.

– Разве ты не чувствуешь?

– Что?

– Звезды. Звезды падают.

Я с сомнением посмотрела на утреннее небо, окрашенное в темно-персиковые и янтарные тона, и не увидела ни одной звезды, даже Диадемы Вирсайи – самого яркого созвездия, названного в честь Королевы Ночи.

– А что стало с медальоном? – спросила я, пытаюсь отвлечь старика от невидимых звезд и вернуться к теме нашего разговора. – Вы забрали его вместе с телом?

Рыбак уставился на меня своими белесыми глазами, очевидно оскорбившись.

– Я не вор.

Я подумала о похоронах Эулалии и внезапно вспомнила об уродливом украшении на ее шее. Это был единственный раз, когда я видела его. Неужели это тот самый медальон? Я с досадой вздохнула. С похорон прошло уже больше двух недель. Гроб, естественно, уже давно распахнулся, и Эулалия вместе со своим ожерельем обратилась в Соль.

– Вы, случайно, не запомнили, что там было написано?

Экер кивнул:

– Биллапс прочитал вслух. Мы чуть не прослезились.

Старик откашлялся, словно готовился продекламировать стихотворение:

*Совсем один
На свете был,
Не ведая я в жизни страстей,
Пока прекрасная дева Эулалия
Не стала невестой нежной моей.*

Я разинула рот от изумления:

– Невестой? Эулалия не была ничьей невестой.

Экер пожал плечами и снова принялся за шитье. Однако он промахнулся, и старая кривая игла попала прямо в иссохшую подушечку большого пальца.

Старик продолжил как ни в чем не бывало, но на темно-синих сетях появились бурые пятна крови.

– Вы поранились.

Его настроение вновь неожиданно изменилось. Кровь не останавливалась, и Экер с досадой потер пальцы.

– Убирайся отсюда, пока я не лишился всей руки, глупая девчонка! – Он поморщился и плюнул на землю.

Я отскочила от Экера и побежала по причалу, постоянно оглядываясь на старика, кричавшего мне вслед проклятия. Никогда не видела, чтобы у человека так быстро менялось настроение. Может быть, с годами его разум начал затуманиваться? Я оглянулась в последний раз и налетела на кого-то, чудом удержавшись на ногах.

– Прошу прощения! – вскрикнула я, пытаюсь вернуть равновесие.

Утреннее солнце светило прямо в спину незнакомцу, создавая вокруг него сияющий ореол. Я не могла различить его черт: перед глазами прыгали темно-синие и ослепительно-белые круги. Как те самые звезды, о которых говорил старик.

– Кажется, это ваше? – спросил мужской голос, и человек приблизился ко мне с протянутой рукой. В его добрых голубых глазах читалась тревога.

Неожиданно я почувствовала себя очень маленькой, потому что едва доставала незнакомцу до плеч. Они были достаточно широкими, и я засмотрелась на его статную фигуру чуть дольше, чем следовало бы приличной девушке. Его пальто из хорошей шерсти скрывало мощные мускулы, и я подумала, что, скорее всего, он капитан корабля. Я могла с легкостью представить, как он одним махом поднимает тяжелые паруса.

Его волосы были длинными не по моде: темные кудри заканчивались у нижней челюсти. Один локон, подхваченный порывом утреннего ветра, выбился и коснулся уголка губ, и неожиданно я почувствовала пугающее желание смахнуть эту прядь. Молодой человек кашлянул, и я зарделась, словно он мог догадаться, о чем я думаю. Он так и стоял, протягивая мне монету, а я продолжала глазеть на него, отчаянно пытаюсь отогнать нескромные мысли.

– Вы обронили. – Он взял мою руку и вложил в нее медную монетку.

Этот простой жест, привычный для торговцев и моряков, не должен был вызвать особенных переживаний, но прикосновение незнакомца чрезвычайно взволновало меня. Он мягко дотронулся большим пальцем до середины моей ладони, оставляя монетку. У меня перехватило дыхание от безумной мысли о том, каково было бы ощутить подобное прикосновение на шее, щеке, губах...

– Благодарю, – пробормотала я, взяв себя в руки. – Вы очень добры. Любой другой на вашем месте забрал бы деньги себе.

– Мне бы и в голову не пришло присвоить то, что мне не принадлежит.

Мне показалось, что незнакомец едва сдерживает улыбку.

– К тому же это всего лишь медный флорет. Я предпочел бы расстаться с деньгами в обмен на беседу с их прекрасной владелицей.

Я хотела что-то ответить, но так и не смогла вымолвить ни слова. Незнакомец подошел ближе, пропуская рыбаков, перетаскивающих на другой причал тяжелый ящик.

– Думаю, вы бы могли мне помочь.

Я насторожилась. Папа всегда советовал нам опасаться карманников и воров за пределами Хаймура. Возможно, этот человек вернул мне монетку, чтобы усыпить бдительность и стащить более крупную сумму.

– Я здесь впервые, ищу капитана.

Я огляделась по сторонам, стараясь не упускать из виду руки незнакомца. Папа говорил, что местные воришки чрезвычайно ловки: глазом не успеешь моргнуть, как они снимут кольца прямо с пальцев.

– Это большая гавань, – сказала я, указывая на десятки крупных и мелких судов вокруг нас. – Здесь много капитанов.

Молодой человек улыбнулся бесхитростно и открыто, и в его глазах промелькнула едва заметная грусть. В это мгновение мне почему-то показалось, что у него нет злого умысла.

– Да, конечно. Я ищу капитана Корума. Уолтера Корума.

Я пожала плечами, изо всех сил стараясь не смущаться от его взгляда. После стольких лет, проведенных практически взаперти в Хаймуре, я не имела никакого опыта общения с мужчинами. Я начинала краснеть и запинаться, даже если мне приходилось задавать папиному камердинеру Роланду больше одного вопроса.

– Там кто-нибудь точно будет знать. – Я махнула рукой в сторону рыночной площади, располагавшейся чуть дальше по набережной.

Взгляд незнакомца немного потух, очевидно выражая разочарование.

– А вы – нет?

– Я не с Селкирка.

Молодой человек развернулся, чтобы уйти.

– Вы хотите в его команду? – выпалила я. Вопрос, пожалуй, прозвучал слишком громко. – К капитану Коруму?

Незнакомец отрицательно мотнул головой:

– Он болен. Красная лихорадка. Я пришел позаботиться о нем.

– Ему, наверное, очень плохо?

– Думаю, я скоро узнаю. – Мой собеседник пожал плечами.

Я вспомнила, как все собирались у постели Авы, когда она заболела. Комнату затемнили, плотные гардины не пропускали солнечный свет. Лекари сказали, что нужно выпарить заразу из ее тела, и в спальне стало невыносимо душно из-за огня, который папа разрешил развести прямо в комнате. Но, даже несмотря на это, Ава не переставала громко стучать зубами, и мы опасались, что они начнут выпадать из ее окровавленных губ, словно градины.

Этот незнакомец точно не был похож на лекаря. Я скорее могла представить его на корабле или высоко над морем, где-нибудь в орлином гнезде. Ветер разведал бы его темные кудри, а он всматривался бы в горизонт в поисках новых приключений.

– Надеюсь, он скоро поправится, – пробормотала я, смущенно теребя свои пальцы. – Я помолюсь Понту о его здравии сегодня вечером.

– Очень мило с вашей стороны... – Молодой человек осекся, словно ему не хватало моего имени.

– Аннали.

Его губы изогнулись в улыбке, и я затаила дыхание, пытаясь унять странное волнение глубоко внутри.

– Аннали, – повторил незнакомец, и мое имя в его устах показалось ярким и насыщенным, словно строка стихотворения или гимна.

– Фавмант, – добавила я, хотя он и не спрашивал.

Я запинаясь, словно простолюдинка, и от смущения мне хотелось броситься в море. В глазах молодого человека промелькнул веселый огонек, будто он узнал мою фамилию. Интересно, знаком ли он с нашим папой?

– Аннали Фавмант. Очень красиво.

Улыбка незнакомца стала еще шире, и он отвесил низкий поклон, куртуазно вытянув руку.

– Надеюсь на скорейшую встречу.

Прежде чем я успела выразить свое изумление, молодой человек развернулся и бодрым шагом направился в сторону людного причала. Он уже был на полпути и собирался скрыться из виду за очередной телегой с грузом, и тут я не удержалась:

– Подождите!

Молодой человек оглянулся и с нескрываемой радостью посмотрел мне в глаза, ожидая продолжения. Я покраснела и сделала несколько шагов навстречу.

– Я могу показать вам дорогу к рынку... если хотите.

Он бросил взгляд на крытые лавки в нескольких причалах от нас.

– Вы имеете в виду вон тот рынок?

Его веселый тон говорил о том, что он шутит, но внутри меня все сжалось от сознания собственной глупости. Я собралась с силами и все же выдавила улыбку.

– Э-э-э... Да... Хотя вы, пожалуй, прекрасно справитесь и без меня. – Я кивнула, словно убеждая в этом саму себя. – Хорошего дня... – Поскольку я не знала его имени, фраза показалась мне незавершенной. – Сэр, – добавила я через несколько секунд.

Я залилась краской и поспешила к своей лодке. Неожиданно я почувствовала, как чьи-то пальцы сомкнулись на моем запястье. Обернувшись, я снова увидела симпатичного незнакомца. Я едва не потеряла равновесие и ухватила его за локоть. Теперь он показался мне еще выше, и я заметила на его виске тонкий шрам в форме полумесяца. Было неловко в открытую рассматривать его, поэтому я решила отступить на пару шагов назад и создать между нами дистанцию, соответствующую правилам приличия.

– Кассиус, – подсказал он. – Меня зовут Кассиус.

– Вот как.

Молодой человек предложил мне руку:

– Я буду очень признателен, если вы поможете мне найти путь на рынок. Я впервые на Селкирке и не хотел бы заблудиться.

– Это очень большая верфь, – заметила я, оглядывая пристань, будто она резко увеличилась во много раз.

– Вы ведь не откажете мне в помощи, мисс Фавмант? – В его глазах сверкали игривые огоньки, а губы были готовы расплыться в улыбке.

– Пожалуй, не откажу.

Мы пошли к следующему причалу, затем повернули налево, направо, потом снова налево – получилась небольшая прогулка.

– Значит, вы лекарь?.. – спросила я, обходя очередную катушку каната.

Верфь постепенно оживала и наполнялась моряками и грузчиками.

– Вы говорили, что приехали позаботиться о друге?

– Об отце, – поправил мой спутник. – И нет, я не лекарь: у меня нет специального образования.

Лишь преданность семье... или, точнее, семейный долг. – Его улыбка стала натянутой. – Честно говоря, это будет наша первая встреча.

Молодой человек приблизился ко мне, уклоняясь от краболовок, которые отгружались на пристань с одной из лодок.

– Видите ли, мисс Фавмант, я бастард¹², – заговорщически прошептал он, наклонившись еще ближе.

Он произнес эти слова с подчеркнутой небрежностью, видимо рассчитывая удивить меня.

– Это не имеет значения, – честно ответила я. – Неважно, у кого какие родители, важны лишь собственные поступки.

– Очень великодушно с вашей стороны. Хотелось бы, чтобы и другие разделяли ваше мнение.

Мы снова повернули, покинув причал, и очутились прямо на рыночной площади. Столы и ларьки располагались под самодельными навесами, которые защищали свежие дары моря от безжалостных лучей солнца. Легкий утренний бриз приглушал самые худшие запахи залива, но острый душок потрошенной рыбы на рынке не смог бы развеять никакой ветер.

– Что ж, – указала я на торговые ряды, – мы пришли. Уверена, любой торговец рыбой сможет подсказать, где живет капитан. Это маленькое сообщество, все друг друга знают.

Я задумалась о смысле своих слов, лишь когда произнесла их. Как только мы попали в толпу, на нас тут же обратили внимание и мгновенно узнали во мне дочь герцога. И хотя большинству торговцев хватило совести прикрываться рукой во время разговора, я все же смогла слышать их возмущенный шепот.

– Смотрите-ка, девчонка Фавманта!

– Совсем стыд потеряла...

– Еще месяца не прошло...

– Проклятая...

Услышав слово «проклятая», я почувствовала, как по спине побежали мурашки. Это всего лишь глупые слухи, но они имеют свойство распространяться в самых уродливых формах. Не знаю, заметил ли Кассиус, но от неловкости я не могла найти в себе силы посмотреть ему в глаза.

– Во что она одета? Это даже не серый...

– Пусть убирается отсюда...

– Она навлечет на нас беду...

– Эй, ты! – выделился из общего гомона чей-то голос. – Тебе здесь не место!

– Мне пора, – пробормотала я и отпустила руку Кассиуса. Мне очень хотелось побыть с ним еще немного, но желание сбежать подальше от сплетников и зевак пересилило, – Надеюсь, вы найдете своего отца и он скоро поправится!

– Но... Аннали!

Кассиус попытался остановить меня, но я резко развернулась и бросилась к своей лодке. Мне нужно было скорее оказаться на воде, в море, посреди волн. Пусть морские ветры отгонят от меня нарастающее волнение, а спокойный ритм океана прояснит ум! Мы не прокляты.

Запрыгнув в лодку, я попыталась забыть о шепоте зевак. Но слова и звуки по-прежнему беспокоили мой разум, отзываясь эхом и становясь все громче, пока горстка рыбаков не превратилась в моем воображении в гогочущую шайку, а затем в разъяренную толпу с фонарями и ножами.

Я встала на цыпочки и выглянула из-за дощатого причала: нужно удостовериться, что никто за мной не пошел. Где-то в глубине души я надеялась увидеть Кассиуса, но в этой части гавани стояла полная тишина. Наверное, он вернулся на рыночную площадь и уже наслушался

¹² Бастард (от *англ. bastard*) – внебрачный, незаконнорожденный ребенок. (Примеч. ред.)

сплетен о сестрах Фавмант. Мое сердце сжалось, когда я представила, как его очаровательная улыбка гаснет от историй об ужасающих событиях в Хаймуре.

В этот момент меня мог увидеть только маленький крабскрипач, сидевший на досках, но я все равно залилась краской от собственной глупости. Я ничего не знала о Кассиусе, но мысль о том, что он может обо мне плохо подумать, казалась невыносимой.

– Не будь душой. – Я поспешно отвязала веревку от пристани и толкнула лодку. – Он всего лишь очередной опытный ловелас, а у тебя есть более важные поводы для беспокойства.

Выплыв из гавани, я остановилась и умылась холодной водой. Лицо по-прежнему горело. У меня действительно был более важный повод для беспокойства.

Что означала надпись на медальоне? Эулалия – прекрасная невеста? Чушь! У нее, конечно, было много ухажеров, но никто никогда не просил ее руки. Или я ошибаюсь? Нахмурившись, я опустила весла в воду. Есть только две причины, по которым Эулалия могла бы скрывать жениха. Либо она знала, что отец никогда его не одобрит... Либо он не нравился ей самой.

Воображение разыгралось, и я живо представила, какой могла быть роковая ночь Эулалии. Возможно, она решила встретиться с потенциальным ухажером, чтобы отказать ему и сообщить, что они не смогут быть вместе. Началась ссора, страсти накалились до предела, и в результате ожесточенной схватки он сбросил ее со скалы. А медальон швырнул следом, чтобы уничтожить улики, указывающие на его безответную любовь. Я представила, как она летит с утеса и растерянность на ее лице сменяется ужасом, когда она понимает, что конец неизбежен и у нее не будет шанса все исправить. Кричала ли она, прежде чем разбиться о скалы?

Волна с силой ударилась о борт моей лодки, и я, громко ахнув, вернулась с небес на землю. Это были лишь предположения, но мне почему-то казалось, что я на верном пути. Смерть моей сестры не была случайностью или следствием страшного проклятия.

Ее убили. И я это докажу.

6

Скрип. Скрип. Скри-и-и-ип.

Я уже собиралась открыть ящик письменного стола в комнате Эулалии, как в коридоре закрипели половицы, и я замерла в ужасе, не сомневаясь, что сейчас меня поймают. На самом деле у нас не было никакого правила, запрещающего входить в комнаты погибших сестер, но мне почему-то не хотелось, чтобы кто-то об этом узнал. Мысли нахлынули, словно волны прилива, и в моей голове мгновенно появилось множество возможных отговорок, но все они казались слабыми и неубедительными.

Однако никто так и не вошел и не обвинил меня во вторжении. И все же я решила на всякий случай подойти к двери и осторожно выглянуть в коридор. Там никого не было.

Облегченно вздохнув, я тихонько закрыла дверь и оглядела комнату Эулалии.

Вернувшись с Селкирка, я обнаружила почти пустой дом. Морелла снова отправилась с тройняшками на Астрею, а грации по-прежнему были на уроках у Берты. Из Синей гостиной слышалось несколько громких фальшивых нот: Камилла разучивала новое соло на фортепиано. Все были чем-то заняты, а значит, я могла незаметно проскользнуть в комнату Эулалии и поискать улики, подтверждающие мою теорию о неразделенной любви.

После смерти сестры в комнате воцарился идеальный порядок, который она так не любила при жизни. Книжки были аккуратно сложены в стопки на письменном столе, а не разбросаны по дивану. На полу не валялись вещи, а большую часть мебели покрывала белая ткань.

Я прошлась по комнате, не зная толком, с чего начать поиски, и наконец заметила у окна небольшой постамент, на котором стоял горшок с адиантумом¹³. Увядшее в отсутствие хозяйки растение скрывало потайной ящик: Ава как-то рассказывала об этом. Здесь Эулалия прятала свои самые ценные сокровища.

Несколько мгновений я рассматривала и ощупывала постамент, пока не нашла рычаг, открывающий тайник. Там я обнаружила три небольших томика – возможно, дневники Эулалии, в которых она описывала свои дни и делилась секретами. Пролистав несколько страниц, я поняла, что это романы, которые папа запрещал ей читать, потому что считал слишком откровенными для юных барышень. Я отложила книги в сторону, испытывая странную радость оттого, что она все же их прочитала.

На дне ящика оказались ленты для кос, украшения и красивые карманные часы. Открыв их, я увидела прядь волос, связанную тонкой медной проволокой. Я взяла локон в руки и внимательно присмотрелась к его цвету. Когда умерли старшие сестры и мама, каждая из нас получила на память прядь их волос, чтобы вклеить в памятный альбом или вплести в траурные украшения. Но этот локон был очень светлым – почти белым. Слишком светлым, чтобы украшать голову одного из Фавмантов. Я положила находку в карман и решила подумать о ней позже.

Еще в тайнике обнаружились флакон духов и носовой платок, слишком скромный для коллекции Эулалии: на нем не было ни кружев, ни вышивки, зато я сразу почувствовала очень крепкий запах курительного табака.

– Что ты здесь делаешь? – внезапно прозвучал вопрос.

Я подскочила, выронив из рук платок. Он вспорхнул, словно бабочка при первых заморозках, и упал на пол. Пытаясь унять сердцебиение, я резко обернулась и увидела в дверях Верити с альбомом для рисования в руках. Ее короткие каштановые кудряшки были собраны в пучок и украшены большим бантом, а сарафан запылится от постели. Я облегченно вздохнула: хорошо, что меня обнаружил не папа.

¹³ Адиантум – вид папоротника.

– Ничего. Разве ты не должна сейчас быть на уроке?

Верити пожала плечами:

– Онор и Мерси помогают поварихе готовить птифуры¹⁴ для бала. Берта не захотела заниматься только со мной. – Сестра мотнула головой в сторону спальни тройняшек, которая находилась в другом конце коридора. – Я хотела узнать – может, Ленор сможет попозировать для портрета.

– Они ушли с Мореллой. Последняя примерка платьев. – Я подвинулась, прикрыв спиной тумбу.

Верити внимательно смотрела на меня, надув губы.

– Не думаю, что Эулалия обрадуется тому, что ты здесь.

– Эулалии здесь больше нет, Верити.

Сестра растерянно моргнула.

– Сходи-ка посмотри: может, поварихе нужны еще помощники? – предложила я. – Уверена, она даст тебе попробовать глазурь.

– Ты хочешь что-то взять?

– Не совсем. – Я встала, и мои юбки скрыли платок из виду.

– Ты пришла сюда поплакать?

– Что?

Верити пожала плечами:

– Папа так иногда делает. В комнате Авы. Он думает, никто не знает, но я слышу его по ночам.

Спальня Авы находилась на четвертом этаже, как раз над комнатой Верити.

– Я никому не расскажу, честно. – Верити наклонилась вперед, с любопытством оглядывая комнату, но так и не решилась войти.

– Я не плачу.

Сестра протянула руку и поманила меня к себе. Я оставила платок на полу, надеясь, что она ничего не заметит. Верити провела пальцем по моей щеке и с видимым разочарованием убедилась, что она сухая.

– Я по-прежнему скучаю по ней.

– Еще бы!

– Но все остальные больше не скучают. Все о ней забыли. Говорят только про свой бал.

Я обняла Верити за плечи:

– Никто ее не забыл. Нам всем нужно жить дальше, но это вовсе не означает, что мы не скучаем. Мы все очень любим Эулалию.

– Она так не считает.

Я нахмурилась:

– Что ты имеешь в виду?

– Она думает, что все слишком заняты своей жизнью, чтобы вспоминать о ней.

Верити тревожно оглянулась, словно боялась, что нас могут услышать.

– Элизабет говорит то же самое. Она сказала, что мы все сильно изменились, а она осталась такой же.

– Ты имеешь в виду, в нашей памяти?

Верити замотала головой:

– Нет, когда я ее вижу.

– В своих воспоминаниях, – настойчиво продолжила я.

¹⁴ Птифуры – ассорти из маленьких десертов.

Верити призадумалась, а потом протянула мне свой альбом для рисования. Однако я не успела взять его: в коридор влетели Розалия и Лигейя, держа в руках целые башни из коробок, на которых были написаны названия нескольких астрейских магазинов.

– О, вы обе здесь, отлично! – крикнула Розалия, распахивая дверь в их комнату. – Всем нужно срочно спуститься вниз. Прямо сейчас.

– Зачем? – спросила Верити. Ее плечи внезапно напряглись, а лицо приобрело тревожное выражение. – Кто-то еще умер?

Я зажмурилась. Как часто шестилетние дети живут с мыслью, что в любой момент может кто-нибудь умереть?

– Конечно, нет! – отмахнулась Лигейя, раскладывая свои сокровища у подножия кровати. – Они здесь! Волшебные туфельки! Мы заглянули в лавку сапожника, когда он пришивал последние ленточки.

Верити просияла и тут же забыла о своем альбоме.

– Их уже привезли?

– Иди посмотри!

Розалия побежала по коридору и вверх по лестнице, чтобы поторопить Камиллу. Она уже должна была вернуться в свою комнату после занятий. Лигейя последовала за Розалией, и топот шагов по лестнице стал вдвое громче.

– Пойдем, – сказала я.

– Не забудь платок Эулалии, – бросила Верити и выбежала в коридор.

Я недоуменно моргнула и обернулась, чтобы поднять платок. Когда я вышла из комнаты, дверь за мной с грохотом захлопнулась, словно ее толкнула невидимая рука.

* * *

За окном снова лил холодный дождь, и в доме было зябко, несмотря на растопленные каминные. Капли барабанили по стеклу, размывая скалистый пейзаж за окном. В Синей гостиной пахло сыростью с едва ощутимым налетом плесени. Морелла сидела на диване рядом с камином и разминала спину: судя по выражению ее лица, она явно чувствовала себя не очень хорошо. Мне стало жаль ее. Планирование и подготовка такого большого мероприятия – дело непростое даже при самых благоприятных условиях, а уж во время беременности это должно быть чрезвычайно утомительно, не говоря уже о том, что тройняшки просто извели ее за целый день.

– Ленор, ты не могла бы найти отца? Я уверена, он очень хотел бы посмотреть на туфельки. У меня очень сильно отекли ноги от этой ненастной погоды.

Я вытащила из-под рояля небольшой мягкий пуф:

– Тебе нужно поднять ноги, Морелла. У мамы часто бывали проблемы с отеками во время беременностей. Она старалась поднимать ноги как можно чаще. – Я подставила стульчик ей под ноги, чтобы она могла устроиться чуть поудобнее. – У нее еще был лосьон из ламинарии и льняного масла. Мама мазала им лодыжки каждое утро, перед тем как одеться.

– Ламинария и льняное масло, – повторила Морелла с небольшой благодарной улыбкой.

На мгновение я задумалась. Возможно, сейчас хороший момент, чтобы помочь ей и заодно загладить вину за вспышку гнева после похорон Эулалии.

– Я могу сделать для тебя, если хочешь. Должно помочь.

– Было бы очень мило с твоей стороны... А как твоё платье? Уже прислали?

Морелла впервые поинтересовалась тем, что я собираюсь надеть на бал. Она тоже старалась наладить отношения – как умела.

– Еще нет. В среду мы с Камиллой идем на последнюю примерку. Если хочешь, присоединяйся.

В глазах Мореллы загорелся веселый огонек.

– Да, с удовольствием. Можем пообедать где-нибудь в городе, приятно провести день. Напомни, какое у тебя платье?

– Цвета морской волны.

Морелла задумалась.

– Твой папа что-то говорил о шкатулке с драгоценностями Сесилии. Может быть, там найдется что-нибудь подходящее для тебя. По-моему, на одном из портретов на ней были зеленые турмалины.

Я сразу поняла, о какой картине идет речь. Она висела в кабинете на четвертом этаже, где на самом солнце стоял мамин маленький письменный столик. В ясные дни из окон этой комнаты можно было увидеть даже маяк. Когда мамы не стало, папа решил повесить сюда ее портрет.

– Я была бы рада надеть ее украшения на бал. И Камилла тоже, не сомневаюсь.

– И я! – радостно присоединилась Верити.

– Конечно, – с улыбкой сказала Морелла. – Надо будет посмотреть, что там есть.

В комнату вбежали запыхавшиеся Мерси и Онор с липкими от сладостей руками.

– Розалия сказала, волшебные туфельки привезли? – спросила Мерси, мгновенно заметив коробки.

Такое название понравилось всем без исключения. Хотя мы и знали, что это всего лишь кожаные туфли (из красиво выкрашенной и обработанной кожи), нам хотелось наделить их волшебными свойствами. Эти башмачки должны были стать началом нашей новой жизни. Когда мы наденем их, мы уже не сможем стать прежними.

Морелла шлепнула Мерси по рукам:

– Дождись отца.

– И меня, – выпалила Камилла, влетая в комнату вслед за папой.

Сгорая от любопытства, мы дружно столпились вокруг дивана.

– И как мы пойдем, где чья коробка? – поинтересовался отец.

– Мы все выбрали разные цвета, – объяснила Онор.

– Кроме нас, – сказала Розалия сразу за всех тройняшек. – У нас должны быть одинаковые – серебряные.

– Ну давайте посмотрим, стоили ли волшебные туфельки стольких хлопот! – Папа нажал на защелку, и мы дружно ахнули, заглянув в коробку.

Это были туфли Камиллы – сияющее розовое золото. Персиковая кожа, украшенная золотым тиснением, великолепно переливалась в лучах света. Я никогда не видела ничего более изысканного.

В следующих коробках оказались туфельки тройняшек, отливавшие серебром, как мамино роскошное свадебное платье. Ленты на каждой паре были разными, но все в фиолетовых тонах, как и наряды сестер: лавандовые для Лигейи, фиалковые для Розалии и темно-баклажановые для Ленор. Онор выбрала темно-синие башмачки, украшенные серебристыми бусинками; они напоминали ночное звездное небо. Мерси заказала туфли холодного розового цвета в тон ее любимому цветку – сиреневой розе. Они должны были прекрасно подойти к бальному платью: Мерси специально попросила портных украсить его шелковыми цветами.

Морелла достала из своей коробочки пару золотых туфель, сияющих ярче солнца. Она радостно посмотрела на папу, который преподнес ей подарок с такой нежностью и любовью, что я невольно улыбнулась. Папа взял в руки самую маленькую коробку, и к нему тут же подскочила Верити. Обняв его ногу, малышка вытянулась, чтобы заглянуть внутрь, как только он откроет крышку. Через несколько мгновений она радостно захлопала в ладоши.

– Вот это настоящие волшебные туфельки! – одобрил папа, достав из коробки пару пурпурных башмачков, изящно украшенных золотыми искринками.

– Ого, Верити! Какие красивые! – сказала Камилла. – Пожалуй, они прекраснее всех.

Верити сбросила ботиночки и надела обновку, сделав радостный пируэт. Мы дружно похлопали нашей крошечной прима-балерине.

– А это, наверное, для Аннали. – Ленор взяла в руки последнюю коробку.

Мои туфли лежали на подушечке из темно-синего бархата. Я выбрала изумрудный цвет, а сапожник добавил блески цвета морской пены и серебряные бусинки, которые были сконцентрированы на мысках и постепенно редели к пятке. Такие туфли прекрасно подойдут к моему платью. Папа с улыбкой протянул мне коробку:

– Мне кажется, эти башмачки не для волшебной феи. Они бы больше подошли морской принцессе!

Верити нахмурилась:

– Но ведь русалки не могут носить туфельки, папа.

– Вот я недотепа! – усмехнулся отец, ущипнув малышку за нос. – Вы довольны?

Все принялись шумно выражать свой восторг, а Морелла тем временем взяла папу за руку.

– С такими туфельками никто не сможет оторвать глаз от наших девочек. Оглянуться не успеем, как они, пританцовывая, покинут отчий дом. Верно, Ортан?

Камилла напрыглась:

– Покинут отчий дом? Ты о чем?

Морелла непонимающе захлопала ресницами:

– О том, что вы выйдете замуж, конечно. Станете хозяйками в своих домах – как я.

Папа нахмурился.

– Это мой дом, – отчеканила Камилла. В ее голосе появились стальные нотки.

Морелла снова заморгала.

– До тех пор, пока ты не выйдешь замуж, – продолжила она.

Однако испепеляющий взгляд Камиллы быстро стер улыбку с ее лица.

– Разве я не права? – Морелла посмотрела на папу, ожидая разъяснений.

– Как наследница дома Фавмантов Камилла останется в Хаймуре, даже когда выйдет замуж. Я знаю, это не самая приятная тема для обсуждения, любовь моя... Но, когда меня не станет, она вступит в наследство.

Морелла нервно вцепилась в одну из своих жемчужных сережек.

– Только до тех пор... – Она осеклась и схватилась за живот. Румянец на ее щеках постепенно приобретал все более яркий оттенок. – Девочки, вы точно никуда не торопитесь?

Грации вскочили на ноги и уже собрались было уходить, но Камилла взяла Мерси за руку и задержала ее.

– Это касается и их тоже. Мы все останемся здесь и дослушаем до конца.

Папа явно чувствовал себя неловко. Он повернулся к Морелле, пытаясь создать хотя бы видимость личной беседы.

– Ты думала, что сыновья, которые могут родиться от нашего союза, унаследуют Хаймур?

Морелла кивнула:

– Вообще-то так принято.

– На большой земле, – согласился отец. – А на островах наследство переходит к старшему ребенку независимо от пола. Многие сильные женщины управляли Солеными островами. Моя бабушка унаследовала Хаймур от своего отца. Она расширила вдвое верфь Васы и утроила прибыль.

Морелла недовольно сжала губы. Она быстро пересчитала нас взглядом и спросила:

– То есть наш ребенок будет девятым в порядке наследования, даже если родится мальчик? Ты никогда не говорил об этом.

Отец нахмурился:

– А должен был?

В его голосе слышались предостерегающие нотки, и Морелла тут же замотала головой, отступая.

– Я не расстроена, Орган, просто немного удивлена. Я думала, на Соленых островах придерживаются тех же традиций, что и во всей Арканнии, где земли и фамильные титулы передаются от отца к сыну.

Ее натянутая улыбка испарилась.

– Я должна была сразу догадаться, что у вас – островитян – все по-другому.

Отец резко встал. Он всегда гордился нашим мореходным наследием и воспринимал как оскорбление, если кто-то считал нас хуже других только потому, что мы жили вдали от столицы.

– Ты теперь тоже островитянка, – напомнил он и вышел из комнаты, оставив нас среди коробок с обувью.

7

Я зажмурилась: корсет затянулся и сжал мою талию. Приказчица¹⁵ виновато улыбнулась: – Пожалуйста, еще один глубокий вдох, миледи.

Косточки корсета с новой силой впились в бедра, и мое лицо исказила гримаса боли. Приказчица велела поднять руки и одела меня в бледно-зеленый шелк. Когда юбка наконец села по фигуре, Камилла выглянула из-за ширмы и захлопала в ладоши.

– Вот это да, Аннали! Ты выглядишь потрясающе!

– Как и ты, – прохрипела я в ответ.

Розово-золотистая ткань подчеркнула бронзовый оттенок ее волос и придала щекам свежий румянец.

– Жду не дожусь первого танца!

– Ты правда думаешь, что встретишь кого-нибудь?

– Папа пригласил всех знакомых морских офицеров.

Я побледнела.

– И всех этих герцогов.

Камилла расплылась в улыбке.

– И всех этих герцогов!

Папа пообещал пригласить на бал всех возможных кавалеров. Камилла тем временем где-то увидела портрет Робина Бриора, молодого герцога Форесии, и чрезвычайно заинтересовалась любыми фактами об этой лесистой провинции. Она рассеянно бродила по магазину и явно мечтала о нем.

Я вспомнила о симпатичном незнакомце с Селкирка. Кассиус, безусловно, производил впечатление благородного лорда. Если папа разослал так много приглашений, возможно, он тоже будет среди гостей. На мгновение я представила, как мы кружимся в танце по залу, освещенному сотнями свечей, и держимся за руки. Он прижимает меня к себе все сильнее и, прежде чем музыка оборвется, наклоняется, чтобы поцеловать...

– Даже не знаю, о чем я могла бы поговорить с герцогом, – пробубнила я, отгоняя от себя эти фантазии.

– Все будет хорошо. Просто будь собой, и к папе выстроится очередь из женихов, просящих твоей руки.

Очередь из женихов. Я едва ли могла представить более ужасный сценарий. Больше всего я надеялась найти человека с таким же цветом волос, как у локон в карманных часах Эулалии. Я носила их с собой повсюду и внимательно приглядывалась к каждому блондину, встречавшемуся на моем пути.

В комнату вошли Морелла и миссис Дрексель, хозяйка магазина. Последняя поднесла руки к губам, изобразив невероятное восхищение, и осмотрела меня со всех сторон.

– О, милая! Я еще никогда не шила такого волшебного платья для такой волшебной девушки! Словно океанские волны в солнечный летний день! Я бы не удивилась, если бы сам Понт вышел из пены морской и попросил бы твоей руки.

– Это который водяной, да? – переспросила Морелла.

Мы неохотно кивнули. Когда речь заходила о религии, вычислить человека с большой земли не составляло большого труда. В разных регионах Арканнии поклонялись разным богам: Вайпани, повелителю неба и солнца; Зеланду, властвующему на земле; Вир-сайе, королеве ночи, и Арине, богине любви. Были еще и другие сущности – демоны и вестники, они управ-

¹⁵ Приказчица – продавщица в магазине.

ляли разными сторонами жизни. Но для людей Соли единственным богом был повелитель моря Понт.

– Как вам платье? – спросила миссис Дрексель, ловко сменив тему.

Я внимательно посмотрела на свое отражение. Сложная вышивка, украшавшая шелковый лиф, напоминала морские волны. Плечи были полностью обнажены, если не считать коротких декоративных рукавов. Юбка из нежнейшего шелка и тюля ниспадала до самого пола. Верхние слои ткани были разных оттенков светло-зеленого – мятного и бериллового цветов, а снизу проглядывал более темный изумрудный и светлый пати новый.

– Я чувствую себя морской нимфой, – ответила я, проводя рукой по роскошной серебряной и бисерной вышивке. – Обнаженная нимфа.

Миссис Дрексель рассмеялась. Я попыталась подтянуть лиф повыше.

– Мы можем что-нибудь сюда добавить? Шелковую ленту или, может быть, кружево? Я чувствую себя слишком... открыто.

Морелла убрала мою руку, обнажив глубокое декольте.

– Ладно тебе, Аннали. Ты уже взрослая женщина. Ты не должна прикрываться, как маленькая девочка. Иначе этот ваш Понт не сможет увидеть твои главные сокровища.

Фривольное высказывание Мореллы вызвало недоумение миссис Дрексель, но она все же кивнула. Посмотрев по сторонам, она подошла поближе и заговорщически прошептала:

– Я не должна об этом говорить, но на днях ко мне заходила клиентка... Очень особенная клиентка. Она увидела ваше платье на вешалке и потребовала сшить для нее такое же.

– Кто это был? – с интересом спросила Морелла.

Миссис Дрексель расплылась в довольной улыбке: все присутствующие сгорали от любопытства.

– О, я не могу сказать. Но она очень ценная клиентка. Поистине прекрасное создание. Правда, она попросила поменять цвет платья и выбрать самый страстный оттенок розового. Такой, который сразит наповал любого мужчину – и простого смертного, и не только.

– Арина! – ахнула Камилла. – Вы шьете платья для самой богини красоты?! – Она оглядела малюсенький магазинчик, словно ожидала, что Арина выйдет из-за расшитой ширмы и удивит нас своим появлением.

– Правда? – Морелла разинула рот от удивления.

Хитрая улыбка миссис Дрексель говорила сама за себя, но она театрально пожала плечами и ответила:

– Не могу сказать. – Для пущей убедительности она еще и подмигнула. – Одно я знаю точно: это платье чрезвычайно элегантно. И при этом скромно, в отличие от некоторых. – Она кивнула в сторону платьев тройняшек, и я тихонько усмехнулась.

– По-моему, ты выглядишь великолепно, – авторитетно заявила Камилла. – Прямо как мама.

– Я помню ее, – сказала миссис Дрексель и опустилась на колени, чтобы подколоть мою юбку. – Добрая душа. Однажды она пришла сюда, чтобы подобрать платье для церемонии освящения одного из кораблей вашего отца.

– Красное, да? С широкой лентой через плечо? – спросила Камилла. – Я приходила с ней на последнюю примерку! Она очень любила это платье.

– Так это вы были той малышкой? О, как быстро бежит время! Держу пари, в следующий раз вы придете ко мне за свадебным платьем.

Камилла залилась краской:

– Хотелось бы надеяться!

– У вас есть возлюбленный? – поинтересовалась миссис Дрексель с полным ртом булавок.

– Пока нет. Но есть один мужчина, которого я очень хотела бы встретить на балу.

– Она уже несколько недель совершенствует свой форесийский! – хихикнула Морелла.

Миссис Дрексель улыбнулась:

– Не сомневаюсь, он будет впечатлен. Что ж, я добавлю последние штрихи сегодня вечером, и завтра утром ваши платья уже будут в Хаймуре.

– Было бы очень мило с вашей стороны, – поблагодарила Морелла. – Кажется, наш список дел не уменьшается, а только растет. А ведь остался всего один день!

* * *

Я заметила его, когда он переходил дорогу. Эдгар, тайный воздыхатель Эулалии. Нас отделял лишь тротуар. Он шел по дороге, с ног до головы одетый в черное, и беседовал с тремя мужчинами. Наши взгляды встретились, и я кивнула. Он побледнел и, пробормотав что-то невнятное в адрес товарищей, поспешил уйти.

– Мистер Моррис! – позвала я.

Он застыл как вкопанный, и его плечи обреченно опустились: сбежать не получилось.

– Мистер Моррис! – повторила я.

Он обернулся, испуганно озираясь по сторонам. Затем его взгляд упал на мое платье и остановился у самого подола.

– Мисс Фавмант, добрый день. Простите. Я не узнал вас в столь... цветущем виде.

Его слова прозвучали словно пощечина. Я успела привыкнуть к восторженным настроениям в Хаймуре. Солнечный свет лился в комнаты сквозь открытые окна, всюду стояли свежие букеты. Каждый день приходили новые платья, и наши гардеробы пестрили всеми цветами радуги.

От траура не осталось и следа. Черные покрывала с зеркал и всех стеклянных поверхностей были собраны в большую кучу в северном дворе. Бумажные накидки и ленты, креповые шторы и все наши темные вещи бросили в огромный костер, который горел еще три ночи.

Я смущенно посмотрела на свое синее габардиновое платье и потерла костяшки пальцев.

– В Хаймуре произошли... некоторые изменения.

Эдгар еще раз оглядел мой цветастый наряд и непокрытую голову.

– Да, я слышал. Мне очень жаль, но я тороплюсь, я...

– Как... как вы поживаете? – выпалила я.

Пронзительный, оценивающий взгляд его темных глаз выбил меня из колеи, и я снова начала запинаться.

– Мы не видели вас с тех пор, как... – Я не смогла закончить предложение, поэтому ухватилась за первую тему, которая пришла в голову. – Мы слышали, в этом году хорошая осень. Для рыбалки! Там... в море, конечно же. Прекрасная осень для рыбалки.

Эдгар непонимающе моргнул:

– Вообще-то я не рыбачу. Я подмастерье в лавке часовщика.

Я густо покраснела:

– Ой, конечно же. Эулалия говорила...

– А как дела у мистера Аверсона? – подросла на помощь Камилла.

Взгляд Эдгара наполнился презрением, когда он увидел ее платье из розовой органзы.

– У него все хорошо, спасибо, – процедил он.

Черный сюртук Эдгара колыхался оттого, что он нетерпеливо тряс ногой: ему явно хотелось поскорее закончить этот разговор. Но Камилла, казалось, совсем не замечала его недовольства.

– Прошлой весной он чинил часы нашего дедушки. Может быть, помните?

Эдгар поправил очки: он выглядел очень встревоженным.

– Да. С маятником в виде осьминога Фавмантов и гириями в форме щупалец?

– Они самые, – кивнула Камилла. – Время идет, и спрут становится все ближе к своей добыче.

Эдгар нервно сдвигал пальцы, и его острые костяшки побелели. Камилла улыбнулась, видимо закончив с любезностями.

– Я хотела лишь позвать сестру. Папина супруга уже ждет нас.

– Конечно, конечно.

Эдгар поспешно поклонился и направился прочь еще до того, как успел снять шляпу в знак прощания.

Лучи солнца осветили его волосы очень светлого благородного цвета.

– Подождите! – крикнула я, но он растворился в толпе, словно сбегая от нас.

Камилла взяла меня под руку и потянула за собой в чайную лавку.

– Какой-то чудак.

– Тебе тоже так показалось? – с надеждой спросила я.

– Как будто он пытался поскорее от нас избавиться. – Камилла расхохоталась на всю рыночную площадь. – Но его можно понять: не все так любят потолковать об осенней рыбалке, как ты, Аннали.

8

Я еле взобралась по ступенькам после утомительного дня на Астрее. После обеда я хотела скорее отправиться домой и спросить у папы, не обращался ли к нему Эдгар по поводу Эулалии, но у Мореллы были другие планы. Она таскала нас из магазина в магазин, перебирая товары, словно сорока в поисках сокровищ.

Я планировала закинуть покупки в спальню и отправиться на поиски папы, но, оказавшись в коридоре, заметила, что из ванной идет пар. В воздухе пахло лавандой и жимолостью. Запах был таким знакомым, что на мгновение я застыла, охваченная воспоминаниями об Элизабет. Она очень любила эти ароматы, и специально для нее на Астрее делали особое мыло. Я не слышала этого запаха с того дня, как обнаружили ее тело. Наверное, одна из граций нашла флакон и решила принять ванну. Похоже, я угадала: по коридору к их комнатам тянулась цепочка следов, оставивших мокрые пятна на ковровой дорожке.

Тяжело вздохнув, я пошла по следам. Они проходили мимо комнат Онор и Мерси и кончались перед спальней Верити, лежавшей на полу с альбомом для рисования и цветными мелками.

– Хорошо, что тебя поймала я, а не папа.

Верити выпрямилась, выронив из рук голубой мелок.

– В смысле?

– Ты, видимо, плохо вытерлась полотенцем и оставила лужи в коридоре. Ты же знаешь, как он любит этот ковер.

Папа с мамой купили его на рынке во время медового месяца. Как рассказывал папа, он отвернулся всего лишь на секунду, а в маму уже успел вцепиться торговец домоткаными коврами. Она хотела купить маленький коврик для своей гостиной, но тогда еще плохо говорила на арпегийском, поэтому случайно заказала ковер длиной в пятьдесят пять футов. Мама любила вспоминать папино выражение лица, когда ковер доставили в Хаймур и никак не могли развернуть до конца.

– Я принимаю ванны по вечерам. А сегодня я весь день просидела в комнате. Видишь? – Верити подняла руки, показав мне сухие ладошки, перемазанные пастелью.

– А кто тогда? Мерси или Онор? Оттуда до сих пор идет пар.

Верити пожала плечами:

– Они в саду, привязывают ленты к цветочным кустам.

Я снова оглянулась на коридор. На полу по-прежнему виднелись следы, хотя они уже успели заметно подсохнуть. Приглядевшись, я убедилась, что они слишком велики для маленькой ножки Верити.

– А тройняшки сюда не заходили?

– Нет.

– Но кто-то же оставил следы, и они ведут в твою комнату.

Верити захлопнула альбом для рисования.

– Не в мою. – Она указала на дверь напротив своей. Дверь в комнату Элизабет.

– Я знаю, что ты стащила ее мыло. Из ванной пахло жимолостью.

– Это не я.

– А кто же?

Верити бросила еще один многозначительный взгляд на комнату Элизабет.

– Там никого нет.

– Ты не знаешь.

Я присела рядом с сестрой:

– Ты о чем? Кто может быть в комнате Элизабет?

Верити внимательно посмотрела на меня. Ее явно терзали сомнения. Наконец после затянувшейся паузы она открыла свой альбом и начала перелистывать страницы, пока не нашла нужный рисунок. Это был портрет Элизабет. В затемненном углу я заметила дату: совсем недавно.

– Тебя снова мучают кошмары? Тебе снилась Элизабет?

Верити часто пугалась во сне. Иногда она кричала так громко, что даже папа прибегал из своего кабинета в восточном крыле. Мы много раз пытались расспросить ее, но она никогда не помнила своих снов.

– Это не сон, – прошептала Верити.

По моей спине пробежали мурашки, но я постаралась не обращать на это внимания.

– Там никого нет. Пойдем посмотрим.

Верити неистово замотала головой. Ее каштановые кудряшки зашевелились, словно змеи. Я резко встала и с досадой отряхнула юбки.

– Тогда я пойду сама.

Следы почти исчезли и теперь были видны лишь на ковре. Если бы я поднялась по лестнице на минуту позже, я бы ничего не заметила. Мои пальцы коснулись дверной ручки – отполированного морского конька, выделяющегося на темно-ореховом фоне, – и я услышала сзади какой-то шелест. Верити стояла на пороге своей комнаты и смотрела на меня огромными умоляющими глазами.

– Не входи.

Сестра судорожно впилась пальцами в свое бедро, и мне почему-то стало не по себе. Я почувствовала, как волосы на затылке зашевелились от ужаса. Все это казалось смехотворным, но страх в глазах Верити заставил меня усомниться в своей правоте. Набравшись смелости, я открыла дверь, но не стала заходить внутрь. Воздух был пыльным и затхлым. После похорон Элизабет горничные сняли с кровати постельное белье и накрыли мебель тонкой сетчатой тканью. Больше здесь никто не убирал.

Бегло оглядев комнату, я повернулась к Верити:

– Тут никого нет.

Взгляд ее темно-зеленых глаз устремился к потолку.

– Иногда она навещает Октавию.

Комната Октавии – еще одна запертая неприкасаемая обитель – находилась на четвертом этаже между покоями папы и гостиной Мореллы. Верити пребывала в каком-то жутковатом трансе, и по моей спине пробежали мурашки.

– Кто, Верити? Скажи это вслух, и ты поймешь, как абсурдно это звучит.

Верити обиженно нахмурилась:

– Элизабет.

– Элизабет умерла. Октавия умерла. Они не могут навещать друг друга, потому что они мертвы, а мертвые не ходят в гости.

– Неправда! – Верити бросилась в свою комнату, схватила альбом для рисования и протянула мне, не выходя в коридор.

Я пролистала несколько страниц. Почему она думала, что сможет убедить меня с помощью рисунков?

– Что я должна здесь увидеть?

Верити открыла страницу с черно-серым эскизом. На нем была изображена она сама, забившаяся в угол, и тень Эулалии, срывающая с нее одеяло. Голова призрака была неестественно откинута назад. Может быть, Верити хотела показать, что она истерически смеется? Или такой странный угол наклона обусловлен падением с обрыва?

Я судорожно вдохнула воздух, испытав необъяснимый ужас.

– Это ты нарисовала?

Верити кивнула. Я внимательно посмотрела ей в глаза:

– Когда рыбаки принесли сюда Эулалию, ты видела ее?

– Нет.

Сестра перевернула страницу. Здесь на красном фоне была изображена мертвенно-бледная Элизабет, а перед ней – маленькая изумленная Верити в банном халатике. Она снова перевернула страницу. Октавия уютно сидела в библиотечном кресле и, казалось, не подозревала, что половина ее лица разбита, а рука слишком изломана, чтобы ровно держать книгу. Верити тоже была здесь: из-за двери выглядывала маленькая испуганная фигурка. Еще один рисунок.

Я взяла альбом из рук сестры, ошарашенно глядя на Аву. В Хаймуре был всего один ее портрет – маленькая девятилетняя девочка с короткими кудряшками и веснушчатым лицом. Но он не имел ничего общего с... этим.

– Ты слишком мала, чтобы помнить Аву, – прошептала я, не в силах оторвать взгляд от гнойных бубонов и черных гниющих пятен на шее погибшей сестры. Но самой ужасной была ее улыбка. Радостная и широкая – как до чумы. Верити едва исполнилось два года, когда Ава заболела. Она просто не может знать, как выглядела одна из самых старших дочерей в нашей семье.

Я перевернула еще одну страницу и увидела изображение всех четырех сестер, наблюдающих за спящей Верити. Они свисали с потолка с петлями на шее, словно висельники. В ужасе я выронила из рук альбом, и из него посыпались листы с эскизами моих мертвых сестер. Они разлетелись по коридору, словно жуткое конфетти. На этих рисунках сестры делали самые обычные вещи, которыми часто занимались при жизни, но на каждом из изображений они, несомненно, были мертвы и внушали страх.

– Когда ты это нарисовала?

Верити пожала плечами:

– Я рисую каждый раз, когда вижу их.

– Но зачем? – Я набралась смелости и бросила взгляд на комнату, которая казалась совершенно пустой. – Элизабет сейчас здесь?

Верити подошла поближе и заглянула внутрь.

– Ты ее видишь? – спросила она.

Волосы на моих руках зашевелились.

– Я никогда их не видела.

Сестра подняла свой альбом и поспешно ушла в свою комнату.

– Ну... теперь будешь внимательнее.

9

– Это Ава, клянусь трезубцем Понта!

Ханна поставила корзину пурпурных ранункулюсов¹⁶ на маленький столик. Ее полные щеки были румяными, словно налитые яблочки. В день перед балом даже ее привлекли к последним приготовлениям.

– Ты говоришь, Верити видит призраков? Ваших сестер?

Я ходила за Ханной по столовой и рассказывала об ужасах, которые обнаружила в альбоме Верити. День рождения тройняшек выдался пасмурным и туманным. Остров окутала густая пелена. Хотя сейчас было всего несколько часов пополудни, газовые фонари уже горели, освещая путь целой армии рабочих, суетящихся перед появлением гостей.

– Да.

Я не хотела в это верить, но продуманный до мелочей портрет Авы поразил меня до глубины души.

– Вот эти нужно добавить в арку фойе, – проинструктировала Ханна двух рабочих на стремянках: они украшали люстру каплями из пурпурного хрусталя. А внизу сновали слуги, добавляя последние штрихи к праздничному оформлению. На банкетном столе уже стояли тарелки с серебряной каймой и канделябры из посеребренного стекла: когда начнется ужин, с длинных тонких свечей потечет удивительно красивый пурпурный воск. Я положила корзину со свечами на стул, как велел наш дворецкий Роланд. Сейчас они вызывали у меня только мрачные ассоциации.

– Призраков не существует. Твои сестры обрели вечный покой на дне морском. Их не может быть здесь. У Верити просто очень богатое воображение, ты сама прекрасно знаешь.

Сердце сжалось от досады. Когда я рассказала Камилле о рисунках вчерашним вечером, она отреагировала примерно так же, а потом выставила меня из своей комнаты, сказав, что ей нужно хорошенько выспаться перед балом. Она захлопнула дверь у меня перед носом, даже не предложив свечу, и мне пришлось бежать по темному коридору, чтобы Элизабет не утащила меня в свою спальню.

Ханна направилась к веранде в задней части дома.

– Девочки хотят, чтобы здесь было не меньше сотни фонариков, – сообщила она слугам, снующим среди огромных пальм и экзотических орхидей. – Постарайтесь расположить их равномерно и, во имя Понта, не ставьте их слишком близко к растениям! Только пожара нам еще не хватало!

Ханна развернулась обратно в коридор и столкнулась со мной.

– Тебе больше нечем заняться? – с досадой спросила она.

– Я знаю, что ты занята, но послушай меня, умоляю. Верити не могла знать, как выглядела Ава. Она была слишком мала, чтобы помнить.

Ханна взяла меня за плечи и наклонилась ко мне, глядя прямо в глаза.

– Вы все похожи, милая. Нарисуй любую из твоих сестер в черно-белой гамме – и она будет выглядеть как ты. Я думаю, ты просто видишь то, что хочешь видеть.

– Как я могу хотеть видеть такое? – обиженно спросила я. – Они выглядели так пугающе! – Я содрогнулась, вспомнив противоестественные изгибы тел на рисунках. – И кстати, Верити не знала, что Эулалия сломала шею.

– Девочка упала с высоты сотни футов, сорвавшись со скалы. Чего еще можно было ожидать?

¹⁶ Ранункулюс – латинское название лютика. (Примеч. ред.)

Из кухни донесся непонятный грохот, и Ханна решила не упускать возможности отделаться от меня.

– Аннали, детка, ты скоро сведешь меня с ума. Я уже не знаю, что мне сейчас делать: складывать постельные принадлежности или полировать серебро. Фишер должен приехать с минуты на минуту. Тебе самой еще надо много всего успеть наверху. Обещаю, мы поговорим о Верити позже. Только не путайся сейчас под ногами, пожалуйста.

Мой разум, измученный страшными видениями и призраками, немного успокоился от ее слов.

– Фишер приедет? – улыбнулась я в первый раз за день.

Ханна кивнула, и ее лицо просветлело.

– Твой отец пригласил его на бал. Хочет представить капитанам и лордам. Он так горд! – Ханна наклонилась и легонько шлепнула меня. – А теперь марш отсюда! Скоро я приду делать вам прически.

Я решила пойти по черной лестнице, узкой и закрученной, словно раковина наутилуса, чтобы не мешаться в шумном фойе. Проходя второй этаж, я услышала, как тройняшки спорят за лучшее зеркало и не могут поделить помаду. Розалия позвала горничную, чтобы та помогла ей найти гребни для непослушных волос, и я поспешила к себе.

Оказавшись в своей комнате, я открыла ящик комода, чтобы выбрать нижнее белье, и неожиданно обратила внимание на старый конверт, завалявшийся в углу. Это было письмо от Фишера, написанное много лет назад, когда он отправился на Гесперус подмастерьем. Я провела пальцами по бумаге, рассматривая знакомый почерк.

Будь моя воля, я бы вообще тебе не писал: ты бы видела свою кислую мину, когда лорд Фавмант выбрал меня следующим Хранителем Света. Но мама говорит, я должен стремиться к высоким целям. По мне это полная ерунда. Нет тут, на Сольтене, никаких высоких целей, и уж тем более на Гесперусе.

Здесь очень тихо. Силас может разбудить меня в любое время посреди ночи и заставить драить окна Старушки Мод. Терпеть не могу это дело. Так что можешь позлорадствовать. А если нет – то и ладно. Я написал тебе, потому что мама заставила. Так что вот. Но ты, пожалуйста, ответь, Рыбка. Я скучаю по дому даже больше, чем мог бы себе представить. И особенно – по тебе.

Искренне,

ужасный предатель, ранее известный как Фишер

– Ты пойдешь купаться или нет? – Камилла внезапно ворвалась в мою комнату, напугав меня. Я спрятала письмо под парой шерстяных чулок. – Я жду тебя целый день.

Я достала подходящие чулки и провела рукой по шелковой ткани, проверяя, нет ли на них зацепок.

– Ну пойдем!

– Ты уже испугалась?

Я отложила чулки в сторону:

– Нет. И скорее всего, не буду.

Камилла закатила глаза:

– Это из-за рисунков Верити? Элизабет не утопит тебя в ванной, а вот я – да, если мы опоздаем по твоей вине. Давай быстрее, а то я запихну тебя в воду.

– Лучше искупайся сама, Камилла.

– Сегодня нужно быть на высоте. Я не могу позволить тебе расслабиться. Мы обязательно найдем себе кавалеров. – Сестра сняла с крючка мой халат и кинула мне.

– По-моему, ты говорила, что нужно просто быть собой, – сердито буркнула я, идя по коридору. Камилла вышла вслед за мной – видимо, хотела убедиться, что я зайду в ванную.

– Все верно. Быть собой – чистой и в лучшем виде, – пояснила она.

Я с некоторым злорадством захлопнула дверь прямо перед ее носом и быстро закрыла на замок, чтобы Камилла не успела проникнуть внутрь с очередной нотацией. Обернувшись, я с опаской посмотрела на ванну. Это глупо. Я купалась здесь много раз после смерти Элизабет.

Я повернула медные ручки крана, и из труб послышался скрип и грохот – словно отзвук криков Эулалии, когда она обнаружила тело Элизабет. Добавив в воду немного мыла, я сняла платье и осмотрела себя в большом зеркале. По краям стекла шли мелкие темные точки, затуманивающие мое отражение. Может, это капли крови Элизабет впитались в зеркало, навсегда запятнав его?

Я легла в горячую воду в надежде расслабиться, но и это не помогло. Мое воображение было не остановить. Звуки, доносившиеся из дома, превратились в тихие шаги моих усопших сестер, готовых забрать меня к себе в любой момент. Когда на мою ногу упал кусок мыла, я едва не закричала от ужаса.

– Это просто смешно, – пробормотала я.

Намылив голову, я ощутила запах гиацинта, и мое тело постепенно расслабилось, а тревоги отступили.

Скоро придет Фишер. Я не видела его много лет – с тех пор, как умерла Ава. Нам не разрешалось покидать дом во время траура, а Силас постоянно нагружал Фишера работой, и тот не мог часто приезжать. Он был неотъемлемой частью моего детства: мы любили устраивать сложные игры в прятки или рыбачить на маленьком ялике¹⁷, который папа разрешал брать в хорошую погоду.

Теперь ему уже двадцать один. У меня никак не получалось представить его взрослым мужчиной. Фишер всегда был тощим и долговязым, словно каланча, с копной рыжевато-каштановых волос и задорным, шаловливым взглядом. Я с нетерпением ждала нашей встречи.

– Ты все еще там? Поторапливайся!

– Мне только волосы прополоскать! – крикнула я Камилле.

Она недовольно промычала и ушла. Нырнув под воду, я ударилась головой о бортик ванны. У меня перехватило дыхание, и я всплыла на поверхность, всхлипывая от боли. Когда зрение наконец прояснилось, я в ужасе закричала. Вода приобрела темно-фиолетовый, почти черный цвет. Я почувствовала острый и горький запах, от которого засвербело в носу. Нужно было срочно выбраться из ванны, но дно оказалось скользким, как шелк, и неожиданно вязким. Я попыталась встать, но ноги не слушались, и я с глухим шлепком упала навзничь, разбрызгивая черную воду по полу. Я потеряла ушибленное бедро: здесь точно будет синяк.

Я попыталась позвать Камиллу, но внезапно какая-то невидимая сила потащила меня на дно. Я наглоталась черной соленой воды и не могла издать ни звука. Задыхаясь от едкого запаха рыбы, я попыталась вынырнуть. Вкус воды показался мне удивительно знакомым. В летние месяцы наша повариха очень любила готовить черное ризотто с моллюсками, шалотом и крупными креветками. Рис всегда был экзотического обсидианового цвета благодаря чернилам кальмара.

Чернила! Невероятно, но ванна была до краев наполнена чернилами. Неожиданно из воды вырвалось щупальце и, крепко сжав, обвило мою талию. Оно было покрыто красными и фиолетовыми крапинками и длинными рядами ярко-оранжевых присосок, тянувшихся ко мне. Еще одно с яростной силой обвило мою ногу. Я отбивалась руками и ногами, но ничего не помогало. На поверхности появилась голова осьминога, и я увидела умные янтарные глаза

¹⁷ Ялик – небольшая двух- или четырехвесельная лодка.

с плоскими зрачками. Я изо всех сил лягнула чудовище свободной ногой, умоляя всех богов, чтобы оно меня отпустило.

Монстр отшатнулся, и я увидела его с обратной стороны. Десятки присосок на мощных щупальцах сходились в одной точке – у черного рта, похожего на острый уродливый клюв. Осьминог раскрыл пасть один раз, другой, третий – словно не мог определиться, какую часть моего тела атаковать в следующий миг. Огромная туша обрушилась на меня, и я уже была готова к тому, что спрут вопьется в мою ногу, – и вдруг проснулась. Сердце колотилось как сумасшедшее, разрывая ребра и сковывая дыхание. Я начала судорожно хватать ртом воздух.

Я заснула. Это был сон. Ужасный, ужасный сон. Опустившись в остывающую воду, я облегченно вздохнула, но тут же подскочила вновь от громкого стука в дверь.

– Аннали! Если я опоздаю по твоей вине, клянусь: я убью тебя!

– Иду-иду!

Я вышла из воды. Интересно, надолго ли я заснула? Укутавшись в полотенце, я окинула взглядом белый фарфор и не смогла вспомнить, чего я, собственно, испугалась. Это всего лишь ванна. Да, в ней умерла Элизабет, но это ничего не меняет. Я встала перед зеркалом, скрутила мокрые волосы и вдруг заметила что-то на спине. Вдоль позвоночника протянулась цепочка красных отметин, напоминающих ссадины.

– Камилла! – Я отворила дверь.

– Ну наконец-то! – Сестра ворвалась в ванную с целой горой полотенец, мыла и масел.

– Ты не могла бы посмотреть? – попросила я, обернувшись и показав ей обнаженную спину. – Что там такое? Не вижу в зеркале.

Холодные пальцы Камиллы коснулись моей кожи.

– Ты поцарапалась.

– Не припомню, чтобы я где-то могла поцарапаться.

– М-м-м?

– Я нигде не царапалась.

Камилла посмотрела на меня с очень серьезным выражением лица:

– Ну значит, это Элизабет.

– Камилла!

– А что ты еще хочешь услышать? Похоже на царапины. У меня постоянно что-то такое. Возможно, ты слишком сильно потеряла спину. – Она стянула нижнее платье через голову, взяв театральную паузу. – Но ты ведь не терла спину?

Я фыркнула. Не надо разговаривать со мной, как с Верити.

– Нет!

Камилла обратила внимание на полную ванну.

– Ты что, не спустила воду?

Она наклонилась, чтобы вытащить пробку, и тут из воды появилась рука, схватила ее за шею и потянула вниз. Из бурлящей ванны вынырнула Элизабет с тусклыми глазами нездорового зеленого цвета.

– Камилла! – закричала я, разрушив страшное видение.

Сестра обернулась, недовольно вздохнув.

– Что еще?

Я моргнула, пытаясь забыть увиденное. Это не было похоже на чудовище со щупальцами: я не спала. Я увидела призрака: Верити ведь говорила, что теперь я буду внимательнее.

– Я...

Вчера вечером Камилла ясно дала мне понять, что не хочет ничего слышать о видениях нашей маленькой сестренки.

– Ну? Иди уже отсюда. Мне нужно принять ванну. А тебе нужно успеть к Ханне до того, как она начнет делать прически тройняшкам. Ты же знаешь, у Розалии десять раз поменяется настроение, и она попросит все переделать.

Не успела я надеть халат, как Камилла вытолкала меня из ванной. Чуть дальше по коридору было много серебряных зеркал, расположенных друг напротив друга. В детстве мы с Камиллой любили встать посередине и смотреть на свои бесконечные отражения, пока от смеха не закружится голова.

Повернувшись спиной к одному из зеркал, я приспустила халат и посмотрела на свое отражение в другом. Камилла ошиблась. Красные пятна на коже – не царапины, а кровоподтеки идеально круглой формы. Как будто кто-то дотронулся пальцами, чтобы привлечь внимание. Я накинула халат и бросилась в свою спальню, громко хлопнув дверью.

10

Я размяла ноги, скрытые под пышными тюлевыми юбками, и с радостью отметила, что у «волшебных туфельек» действительно были чрезвычайно мягкие плоские подошвы. Мы стояли у парадного входа, встречая гостей, уже целую вечность. Если бы я была на каблуках, то еле доковыляла бы до обеденного стола. Неожиданно Камилла ткнула меня в бок своим острым локтем.

– Будь внимательна, – шепнула она.

– Это моя супруга Морелла и мои старшие дочери – Камилла и Аннали, – сказал папа, приветствуя очередных гостей. Он пожал господину руку и поцеловал кончики пальцев его спутницы. – А это именинницы: Розалия, Лигейя и Ленор.

Мы в очередной раз разулыбались, поздоровались и поблагодарили гостей за приезд. Розалия раскрыла веер и начала нетерпеливо обмахиваться, пытаясь разглядеть за папой, сколько гостей еще не успело представиться.

– Мы так никогда не начнем танцевать, – недовольно прошипела она.

Я обвела взглядом танцевальный зал, внутренне надеясь, что часть гостей решила прогуляться по другим частям особняка. Когда-то мы устраивали гораздо более масштабные празднества. А сейчас зал, в котором спокойно уместилось бы около трехсот человек, не был заполнен даже наполовину. Если бы не струнный оркестр, создававший приятный фон для разговоров, было бы совсем тоскливо.

Может быть, гости с большой земли побоялись ехать из-за тумана? Что ж, по крайней мере, балльный зал выглядел восхитительно. Искусно украшенный темно-синим бархатом с серебряной вышивкой, он предлагал множество укромных уголков для романтических встреч. Роскошные пурпурные цветы обвивали каннелированные колонны¹⁸. Люстра сияла, и ее хрустальные капли, свисающие с щупалец осьминога Фавмантов, искрились в свете тысячи свечей. Центральная часть люстры была выполнена в виде тела спрута. Гигантское чудовище распростерло свои щупальца почти на полпотолка.

И все же прекраснее всего выглядела витражная стена. Многие годы она скрывалась за черными портьерами – будто сам факт ее существования мог вызвать больше радости, чем подобает скорбящей семье. Если смотреть снизу вверх, синие и зеленые стеклышки сменялись аквамариновыми и небесно-голубыми, а под самым потолком переходили в белый гребень, превращая одну из стен балльного зала в настоящее цунами. Десятки высоких светильников в зимнем саду освещали витраж с внешней стороны, и цветные стекла сверкали, словно драгоценные камни, отбрасывая на гостей лазурные и берилловые блики.

Краем глаза я заметила, как грации, рассекая толпу и радостно хохоча, гонятся за миниатюрным пуделем тети Лизбеты. Камилла наклонилась ко мне и прошептала:

– Это последние гости, слава Понту. Я умираю от голода.

– Ты запомнила, как их всех зовут? – спросила я, проходя вслед за сестрой в банкетный зал.

– Кроме родственников – только этого, – незаметно кивнула она в сторону Робина Бриора.

Он стоял в окружении нескольких молодых людей и рассматривал люстру. На щеках Камиллы вспыхнул румянец, а в глазах появился голодный блеск, который не имел никакого отношения к предстоящему ужину.

– Когда я могу подойти и поговорить с ним?

Неожиданно кто-то коснулся наших плеч.

¹⁸ Каннелюра – декоративный вертикальный желобок на колонне.

– А меня, значит, никто не ждет?

Обернувшись, я не смогла сдержать радостного вопля:

– Фишер! Ты ли это?

Годы работы на Гесперусе изменили его. Он стал еще выше ростом и возмужал. Вокруг знакомых карих глаз, излучавших тепло, появились веселые морщинки. Когда он по-братски обнял меня, я ощутила силу его мышц.

– Я не знала, что ты приедешь! – удивилась Камилла. – А ты, Аннали?

– Ханна говорила сегодня утром, но я забыла рассказать тебе.

Камилла игриво вскинула бровь. В детстве мы обе были без ума от Фишера и волочились за ним повсюду со всей пылкостью безответной любви. Пожалуй, это единственное, из-за чего мы вообще тогда ссорились.

– Прямо-таки забыла. Совершенно случайно, – шутливо сказала Камилла, но затем серьезнела. – Ты надолго здесь? – обратилась она к Фишеру. – Мы так давно тебя не видели! Ханна, наверное, счастлива, что ты наконец дома.

Фишер кивнул:

– Ваш отец попросил меня остаться до прибоя. Он хочет, чтобы я обязательно пришел на большой ужин в честь Первой Ночи.

Первая Ночь ознаменовывала начало празднеств Прибоя, когда Понт взбудораживал океаны своим трезубцем и мы отмечали смену времен года. Холодные воды морских глубин встречались с холодным воздухом, и рыбы залегали на дно, чтобы провести зиму в состоянии полуспячки. Местные жители в этот период обычно чинили свои лодки, штопали сети и проводили время с семьей. Празднества длились десять дней, приобретая все более буйный характер. Отец устраивал в Хаймуре большой пир и приглашал семьи своих лучших капитанов, чтобы вместе отметить зимнее преображение моря. Мы не отменяли празднование прибоя даже во времена самого строгого траура.

Камилла просияла:

– Прекрасно! Жду не дождусь историй о твоих приключениях на Старушке Мод. Но сначала мне нужно уладить кое-какие дела. – С этими словами она бодро направилась в сторону Бриора, ни на минуту не спуская с него глаз.

Фишер взял меня за руку и покружил вокруг себя.

– Ты невероятно красива сегодня, маленькая Рыбка. Такая взрослая. Оставишь мне местечко в своей бальной книжке? Или она уже забита до отказа? Мама всегда говорила, что я слишком длинный и неуклюжий для танцев.

Я раскрыла изящный бумажный веер, одновременно служивший бальной книжкой, и протянула Фишеру. Как ни странно, было заполнено всего несколько строчек. После долгих уговоров со стороны тетушки Лизбеты дядя Вильгельм пригласил меня на первый танец – тустеп, а один из дальних кузенов предложил мне фокстрот. Я не волновалась: наверное, книжка заполнится именами кавалеров после обеда. В конце концов, я сестра виновниц торжества.

– Да я просто везунчик, – заметил Фишер, окинув взглядом пустые строки. – Я могу пригласить тебя на вальс или это будет слишком нагло? – Он размашисто вписал свое имя напротив танца.

– Да хоть на все танцы подряд, – ответила я полушутя.

Мы с сестрами в совершенстве владели искусством танца: Берта заставляла нас часами вальсировать по гостиной (правда, в паре с Камиллой я почти всегда вела). А вот с остроумными беседами и искусным флиртом у меня как-то не сложилось. Стоило мне представить вечер с вымученными куртуазными разговорами – и на лбу от волнения выступал пот.

Фишер еще раз пробежался по строкам моей бальной книжки и отметил польку.

– Боюсь, это все, что я могу предложить, Рыбка. Я уже пообещал по танцу Онор и тройняшкам.

– Что ж, сегодня их день рождения, – с улыбкой ответила я. – Меня уже давно никто так не называл.

– Может быть, потому, что теперь ты слишком важная леди, чтобы раздеваться до рубашки и плавать в приливной заводи? – В следующее мгновение игривый взгляд Фишера посерьезнел. – Я так расстроился, узнав об Эулалии... Я хотел приехать на похороны, но разыгралась буря. Силас не хотел оставаться один.

Я кивнула. Было приятно вспомнить об Эулалии с кем-нибудь знакомым, но только не сегодня.

– Где ты будешь сидеть за ужином? – спросила я, выбрав более непринужденную тему.

– Я еще не успел посмотреть рассадку.

Взяв Фишера под локоть, я увлекла его за собой в зал.

– Пойдем узнаем.

* * *

На стул рядом с нами, тяжело дыша, приземлилась Мерси. Ее кудряшки, заколотые с обеих сторон серебряными розами, немного поникли. И хотя она пыталась не подавать виду, я заметила, как она зевнула, прикрыв рот рукой.

– Тебе не пора спать? – спросила я. – Уже почти полночь. Удивляюсь, как вас троих еще не отправили наверх.

– Папа сказал, сегодня мы можем не быть маленькими девочками. К тому же я не хочу пропустить этот бал. Вдруг кто-то из вас с Камиллой умрет, и у нас не будет другой возможности повеселиться.

– Мерси!

– А что? – Мерси сердито посмотрела на меня. – Это вполне может случиться.

Я вздохнула: очевидно, моей младшей сестре пока было неизвестно чувство такта.

– С кем ты танцевала?

– С сыном лорда Астерби, Гензелем. Ему двенадцать, – ответила она, сделав особый акцент на возрасте своего партнера.

– Со стороны ты выглядела веселой.

Мерси вскинула брови:

– Да он только и говорил, что о своих лошадях. Перечислил всех жеребцов последних пяти поколений. Он сказал, что вообще не хотел танцевать, но родители заставили.

– Гензелю Астерби, видимо, следовало бы поучиться хорошим манерам. Жаль, что вы с ним не ладили.

– Все мальчишки такие зануды?

Я пожала плечами. Ничего удивительного, но Кассиуса все же не было среди приглашенных. А все Другие мужчины, безусловно, уступали ему.

– Ты почти не танцевала, – заметила Мерси. – А Камилла выглядит очень недовольной.

Я проследила за взглядом сестры и увидела Камиллу, стоявшую неподалеку от компании лорда Бриора. Она то и дело щипала щеки, чтобы они оставались румяными, и нарочито громко смеялась.

– Он так и не познакомился с ней.

Мерси подперла кулачком подбородок; если бы оркестр играл чуть тише, она заснула бы в один миг.

– Надо спросить у него, почему он медлит. По-моему, он не говорил ни с кем из нас, кроме папы. Это очень невежливо. Даже если ему не нравится Камилла, сегодня день рождения тройняшек. По крайней мере, стоило бы их поздравить.

Мне тоже бросилось это в глаза. А еще я заметила, что моя бальная книжка по-прежнему пуста. Если бы не Фишер, я бы так и сидела, как унылая старая дева.

– Надо его заставить. – Мерси гневно посмотрела на Бриора поверх своей чашки.

Тут к нам присоединилась Ленор. Ее пышные юбки, разложенные на подлокотниках, струились, словно сливово-пурпурный водопад. Она взяла бокал шампанского и опустошила его одним глотком.

– На похоронах Октавии было и то веселее.

– Ты тоже не танцевала? – усмехнулась я.

– Только с Фишером. Но сегодня мой день рождения! Я могу потребовать, чтобы кто-нибудь потанцевал со мной?

Мы с Мерси обменялись понимающими взглядами.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Ленор. – Сегодня мы все просто очаровательны.

– Это правда, – согласилась я.

– У нас прекрасные манеры и много благородных качеств, достойных восхищения, – продолжила она, изображая вычурный акцент арканнийцев с большой земли.

– Угу.

– Мы богаты! – выпалила она наконец, и я заподозрила, что она держит в руке не первый и не второй бокал шампанского.

– И это правда.

– Тогда почему мы сидим в углу и ни с кем не танцуем? – Ленор стукнула о стол бокалом, и тот чудом не разбился, упав на пол.

– Пойду задам этот вопрос лорду Бриору!

Прежде чем мы успели опомниться, Мерси направилась в другой конец зала, с праведным негодованием прокладывая себе путь между танцующими парами.

– Надо остановить ее, – сказала Ленор, но даже не попыталась встать. – Она сейчас опозорится.

– Скорее опозорит Камиллу, – заметила я.

– Это по-своему весело.

Ленор подозвала слугу, проходившего мимо с шампанским и льдом. Она взяла с подноса два бокала и протянула один мне. Я отказалась.

– Я готова вызвать демона прямо здесь и сейчас, лишь бы кто-нибудь пригласил меня на танец! – пробормотала Ленор, одним махом опустошив бокал.

– Не говори так, – предупредила я. – О нашей семье и так ходит много слухов. И кстати, если папа такое услышит – голову оторвет!

Как нарочно, именно в этот момент мимо нас пронеслись папа и Морелла, кружась в вальсе и счастливо улыбаясь друг другу. Сложно поверить, что всего несколько недель назад они сидели на похоронах Эулалии.

Отодвинув пустой бокал, Ленор потянулась за моим.

– Что? – спросила она, заметив мой недоуменный взгляд. – У меня день рождения. Если я не танцую, то от шампанского хуже не станет. Посмотри, – продолжала она, махнув куда-то рукой. – Даже Камилла со мной солидарна.

Я окинула взглядом зал и увидела Камиллу в тот самый момент, когда она решила выпить для храбрости. Затем она глубоко вздохнула и пощипала себя за щеки, придавая им яркий румянец. Все это время ее губы едва заметно шевелились: очевидно, она репетировала свою речь для лорда Бриора. Камилла направилась в его сторону, выглядела она совершенно очаровательно.

Оказавшись у внешнего края кружка, собравшегося вокруг молодого герцога, Камилла остановилась и наклонила голову, прислушиваясь к разговору. Через несколько мгновений она резко побледнела и прижала руку ко рту. Я не на шутку встревожилась: возможно, ей стало нехорошо. Камилла отшатнулась от стайки Бриора и налетела на танцующую пару.

– Что с ней? – спросила Ленор.

– Прошу прощения.

Камилла поспешила извиниться перед парой и направилась к нам. Схватив меня за руку, она потащила меня за собой, и я почувствовала себя словно пловец, попавший в кильватерную струю¹⁹ проходящего мимо корабля.

– Пойдем отсюда!

– Что случилось?

– Прямо сейчас, Аннали, умоляю!

Камилла не останавливалась, пока мы не оказались в середине сада. Вокруг нас поблескивали тысячи маленьких свечей, искусно спрятанных в садовом лабиринте. Если бы туман рассеялся, они выглядели бы волшебным. Но сейчас свет маленьких огоньков причудливо рассеивался в ночной пелене, создавая вокруг нас тени и фантомы, которые то появлялись, то исчезали вновь.

– Успокойся, Камилла, – сказала я, сев на бортик фонтана.

– Это всего лишь глупый фарс, и больше ничего! – крикнула она, досадливо махнув в сторону дома.

– Я ничего не понимаю. Что случилось? Расскажи.

Я скрестила руки на груди, по коже побежали мурашки. На улице было слишком холодно для бальных платьев, но прохлада совсем не остудила пыл Камиллы. Наконец она остановилась и молча окинула взглядом Хаймур. Бальный зал, такой ослепительно яркий внутри, почти не было видно снаружи. Звуки оркестра отзывались в тумане зловещим эхом.

– Сколько мужчин танцевало с тобой сегодня?

Я вздохнула:

– Вам всем поговорить больше не о чем?

– Сколько? – не унималась Камилла.

Кильватерная струя – струя, которую оставляет за собой движущееся судно.

Она схватила меня за плечи, и в ее глазах появился странный блеск. В тумане лицо сестры, освещенное лишь пламенем свечей, выглядело почти безумным. Я вырвалась из ее рук и потерла места, куда впивались ее пальцы.

– Трое.

– Трое. За весь вечер?

– Да, но...

Камилла кивнула, как будто знала ответ заранее:

– Родственники, да? И то далеко не все.

– Пожалуй, что так. – От холода я уже начала стучать зубами. – Я видела, как ты пыталась поговорить с Бриором. Просто скажи, что он тебе ответил, а то мы тут умрем от холода.

Камилла расхохоталась:

– И проклятие сработает в очередной раз.

Я резко выпрямилась и вскочила с фонтана.

– Нет никакого проклятия. Я пошла обратно.

– Подожди! – Камилла ухватила меня за руку, впившись в кожу длинными ногтями. – Я весь вечер ждала, что он представится, но он так и не сделал этого. Поэтому... я решила, что подойду к нему сама и приглашу на танец.

¹⁹ Кильватерная струя – струя, которую оставляет за собой движущееся судно.

– Ох, Камилла.

Нахмурившись, она продолжала:

– Я услышала, как он говорит с одним из младших братьев. Тот донимал его, выпрашивая разрешения пригласить Лигейю на танец. Бриор сказал «нет». Тогда брат спросил почему, ведь она такая красивая.

– И что он сказал?

Камилла горестно вздохнула:

– Он сказал, что Лигейя, несомненно, очень красива. Красива, как букет белладонны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.